

Александр Антонов
Распущенные знамёна

КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ
Альтернативная сага

адмирал КОЛЧАК

Александр Антонов
Распущенные знамёна.
КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ.
Альтернативная сага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39287770

ISBN 9785449371485

Аннотация

Вице-адмирал Шмидт повернулся к стоящим позади него старшим офицерам:– Господа! Прошу разойтись по кораблям. На рассвете мы выходим в море!И разошлись! И вышли! Да как вышли! Более трёхсот вымпелов! Одних линкоров с десятков. А крейсера, а миноносцы, а прочая шелупонь? Дым во всё небо! Попробуй, останови такую армаду... А мы попробуем! А мы остановим!

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая	7
МИХАИЛ	7
ГЛЕБ	10
МИХАИЛ	15
ОЛЬГА	21
МИХАИЛ	23
Глава вторая	29
НИКОЛАЙ	29
МИХАИЛ	30
ГЛЕБ	38
Глава третья	45
МИХАИЛ	45
МИХАИЛ	52
ГЛЕБ	54
МИХАИЛ	60
Глава четвёртая	62
ОЛЬГА	62
МИХАИЛ	64
ОЛЬГА	67
МИХАИЛ	70
ОЛЬГА	75
МИХАИЛ	75

Глава пятая	80
ГЛЕБ	80
МИХАИЛ	83
НИКОЛАЙ	84
ОЛЬГА	86
МИХАИЛ	88
ГЛЕБ	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Распущенные знамёна КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ. Альтернативная сага

Александр Антонов

© Александр Антонов, 2018

ISBN 978-5-4493-7148-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
вторая редакция

«Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая
Россия!»

П. А. Столыпин

Книга вторая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Вице-адмирал Шмидт повернулся к стоящим позади него старшим офицерам.

– Господа! Прошу разойтись по кораблям. На рассвете мы выходим в море!

И разошлись! И вышли! Да как вышли! Более трёхсот вымпелов! Одних линкоров с десятков. А крейсера, а миноносцы, а прочая шелупонь? Дым во всё небо! Попробуй, останови такую армаду... А мы попробуем! А мы остановим!...

Глава первая

МИХАИЛ

Задался в Питере денёк! Тепло, светло и мухи не кусают! Откуда появилась в моей голове эта фраза уже и не припомню, но закрепилась она там с детства, нет-нет да и выскочит из памяти. Герцог нарезает круги по пустынному пляжу, а я неспешным шагом мерю длину Екатерининской куртины, или по-простому участка стены между Нарышкиным и Трубецким бастионами Петропавловской крепости. Не зябкий нынче ветер гонит по небесной лазури белые облака; благодаря им (и облакам и ветру), мы с псом оказываемся то в тени, то на солнце. Мысли в моей голове подобны тем облакам: также легки и гонимы...

Полгода минуло, как некий затейник перенёс нас: Ерша, Васича, меня и Ольгу, – Герцог деликатно гавкнул – ну и тебя, псина, тоже из нашего «прекрасного далёко» – эк меня на сантименты пробило! – в смутное и противоречивое для России время. Очевидно, что я с Герцогом и Васич с Ольгой попали в эту компанию за компанию. За компанию с Ершом. Мы долго обсуждали случившееся, в итоге проголосовали за эту тавтологию единогласно. Вот только почему заменить понадобилось именно Ежова, а не Троцкого, Стали-

на, Ленина наконец? А кто сказал, что была создана только одна альтернативная ветвь истории России? Что если параллельно нам меняют направление Красного колеса другие «попаданцы» со товарищи, подменившие иных исторических личностей? Или просто отряд спецназовцев без тени сомнения крошит красных или белых – в зависимости от задания? А потом какая альтернативная ветвь выйдет на лучший результат, та и станет основной. Так что нам с ребятами надо постараться не оплошать в этой игре альтернативных реальностей, ведь как минимум с одной из них точно предстоит потягаться.

Всё! Шутки в сторону. Прогулка окончена. Беру Герцога на поводок и марш, марш к Невским воротам.

**

Сегодня проводили на фронт Глеба. С моей подачи. Днями в Ставку убыл товарищ военного министра Савинков, чтобы от имени Временного правительства поддерживать боевой дух армии во время планируемого наступления.

– Помяните моё слово, не кончится это наступление добром, – убеждал я друзей. – Как бы потом ещё и отступать ни пришлось!

Зря я, конечно, так горячился: спорить со мной никто не собирался. Ёрш так и сказал:

– Историю, Шеф, тут все помнят. Делать-то что предлагаешь?

– Может как-то задействовать Красную Гвардию?

– Шутишь?! – возмутился Ёрш. – Оставить Питер без защиты?

– Отправлять Красную Гвардию на фронт, конечно, не дело, – согласился с Ершом Васич. – Так ведь Миша этого в виду и не имел, верно? – подмигнул мне Глеб.

– Конечно, не имел, – подтвердил я. – Ёрш вечно с выводами спешит...

– А вот бронепоезд с десантом, почему бы и не отправить? – продолжил развивать мысль Васич.

– Так, так, – заинтересовался Ёрш, – продолжай!

– Сила вроде и невелика, если её задействовать с фронта. А вот для какой бяки в тылу противника – вполне себе вариант!

– Всё! Убедили! – вскочил с места Ёрш. – Бегу готовить отряд!

– Поспешай, – кивнул Васич. – Только командовать отрядом буду я, как наиболее из нас троих для такого дела подготовленный!

Теперь Ольга на меня косится. Не иначе Ёрш про мою инициативу проболтался. Ничего, переживу...

ГЛЕБ

Может и вправду новое назначение делает человека добрее? Бывший командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии Брусилов в канун операции «Цюрих-транзит» продержал меня в «предбаннике» около часа. Верховный главнокомандующий Алексей Алексеевич Брусилов принял сразу после доклада адъютанта о моём прибытии. Скажу больше: генерал встретил меня улыбкой и даже сделал шаг навстречу. Пожимая руку, произнёс:

– Рад видеть вас, голубчик, во здравии! Доклад о вашей якобы гибели меня, признаться, огорчил. Хорошо, что всё, в конце концов, разрешилось столь благополучно!

После недолгого обмена любезностями главнокомандующий поинтересовался, каким ветром занесло меня в Ставку на этот раз? Узнав, что я прибыл во главе Особого отряда Красной Гвардии, сразу же поинтересовался, какова численность подразделения?

– Один бронепоезд с экипажем и до двух батальонов десанта, – коротко по-военному отрапортовал я.

Брусилова мой ответ рассмешил.

– Простите, голубчик, – сквозь смех сказал генерал, – просто я подумал, что вы воевать приехали, а вы, оказывается, решили всего лишь прогуляться в сторону фронта.

Стараясь не подавать вида, что слова главкома меня заде-

ли, ответил, сохраняя максимальное спокойствие:

– Душевно рад, Алексей Алексеевич, что сумел вас разве-селить, однако смею напомнить, что прошлая моя «прогулка в сторону фронта» была, если мне не изменяет память, весьма успешной!

Брусилов тут же проглотил остатки смеха.

– В этом вы совершенно правы, Глеб Васильевич. – Ого! С каких, интересно, пор ему известно моё имя-отчество? – Уверяю, что мой смех не имел цели как-то уязвить вас. Просто численность войск, которые, как мне докладывали, имеются в вашем распоряжении, и численность приведённого вами отряда уж больно несопоставимы.

Так, так... Всё-то он обо мне знает. Не иначе Савинков постарался. Он ведь где-то тут с начала наступления. Ладно, учтём... Улыбаюсь вежливо и чуть успокаивающе.

– Да я совсем и не в обиде. Что до войск... Если вам доложили правильно, то доложили и о том, что должность моя в Красной Гвардии – начальник штаба. Я лишь намечаю маршруты передвижения, а двигать по ним войска или нет, решает мой непосредственный начальник...

– Ладно, ладно, – тут же предложил перемирие Брусилов. – В конце концов, не так важно: всю Красную Гвардию вы привели, или только два батальона. Мы и без вашей помощи наступаем, и, знаете, весьма успешно. Для вас же у меня есть более приятное сообщение.

Брусилов звонком вызвал адъютанта.

– У вас всё готово?

– Так точно, ваше высокопревосходительство!

О как! Не «товарищ», а «высокопревосходительство». Делаю вид, что не заметил оговорки адъютанта.

– Тогда будем начинать! – приказал Брусилов.

Адъютант открыл дверь и в комнату вошли два знакомых офицера: полковник Зверев и капитан Круглов, которые участвовали вместе со мной в операции по освобождению высокопоставленных русских офицеров из австрийского плена. В присутствии главнокомандующего мы приветствовали друг друга весьма сдержанно, хотя мне искренне хотелось обнять каждого.

– Господа офицеры! – Голос адъютанта заставил нас выстроиться в линию и принять строевую стойку. При этом я отметил очередное нарушение нового устава. Впрочем, фиг с ним, главное, не при солдатах!

Брусилов кивнул адъютанту и тот зачитал приказ о награждении Абрамова Глеба Васильевича орденом Святого Георгия 4-ой степени посмертно. Потом добавил, что в связи со вновь открывшимися обстоятельствами приписка «посмертно» из приказа изымается. Брусилов встал напротив меня, взял с подноса, который держал в руках адъютант, орден и прикрепил мне на гимнастёрку.

Не помню, кем мы величали друг друга в тот вечер: «товарищами» или «господами», поскольку в честь нового ге-

оргиевского кавалера все выпили изрядно.

**

Я по природе своей крайне редко страдаю похмельем. Вот и на этот раз мне досаждала лишь лёгкая головная боль: то ли как напоминание о вчерашней попойке, то ли как следствие свалившихся на нас с утра малоприятных известий.

Если свести все известия в единое целое, то будет оно выглядеть так: наступление провалилось, и противник теснит наши части почти по всем направлениям. В общем, наше – моё, Ерша и Шефа – предположение полностью подтвердилось...

В одном из направлений навстречу отступающим частям Юго-Западного фронта мчался сейчас бронепоезд «Товарищ». На борту, помимо красногвардейцев, находились ещё несколько офицеров Ставки во главе с полковником Зверевым. Их присутствие было вызвано тем, что Брусилов опасался негативного отношения к моей новой миссии со стороны командующего Юго-Западным фронтом генерала от инфантерии Корнилова – это и заставило его включить в отряд несколько своих офицеров.

А миссия наша заключалась в том, чтобы, ни много, ни мало, остановить контрнаступление противника на стратегически важном участке фронта. Как и в прошлый раз, Алек-

сей Алексеевич окрестил предложенный мной план авантюрой, но, как и тогда, дал на его осуществление своё верховное благословение.

Крупная железнодорожная станция Куричи была забита составами с войсками, так что «Товарищу» пришлось осторожно втискиваться на ближний к перрону путь, часть которого уже занимал поезд командующего.

Когда я и Зверев прибыли с докладом, Корнилов встретил нас хмурым взглядом покрасневших от недосыпа глаз. Взгляд находившегося тут же Савинкова поблёскивал настороженным любопытством. Выслушав рапорт о прибытии, Лавр Георгиевич с плохо скрытым недовольством произнёс:

– Ставка предупредила о вашем прибытии и о том, что на ваш отряд возложена какая-то особая миссия. Теперь, господа... – под напряжённым взглядом Савинкова Корнилов осёкся. – Прошу прощения, привычка... Теперь, товарищи, я хотел бы услышать более развёрнутый доклад.

По мере того, как я говорил, выражение лица Корнилова становилось всё более раздражённым, а лицо Савинкова всё более удивлённым. Когда я закончил, Корнилов приготовился сказать что-то, видимо, резкое, но тут его взгляд зацепился за крест на моей гимнастёрке.

– За что награждены? – Корнилов кивнул на крест.

Я доложил. Лицо командующего сделалось задумчивым. Он посмотрел мне в лицо совсем уже без раздражения.

– Ну, что ж, товарищ Абрамов, – голосом человека, принявшего решение, сказал Корнилов, – в той операции вы показали себя храбрым, дерзким и удачливым командиром. Будем уповать на то, что ни одно из этих качеств не оставит вас и на этот раз. Я утверждаю план, а детали обсудите с начальником штаба.

Из-за стола поднялся молодежавый генерал и предложил мне и Звереву проследовать за ним.

МИХАИЛ

Взгляд ворвавшегося в мой кабинет Ерша был таким красноречивым, что я сразу понял: случилось нечто экстраординарное. Но это не удержало меня от шутки по поводу вида моего друга.

– Ты чегой-то, Ёрш, такой взъерошенный?

Ёрш вопрос проигнорировал, шагнул к столу и буквально кинул передо мной папку, которую до того держал в руке: – Я только что с Крестовского. Смотри!

Я раскрыл папку и обнаружил в ней дело секретного сотрудника Департамента полиции по кличке Красавчик. Беглого взгляда хватило, чтобы я присвистнул от удивления.

– Ох, ни фиги себе! Это что же получается: наш Стрелкин – бывший агент охраны?!
– Вот именно! – Николай опёрся обеими руками о стол.

– И что же прикажешь нам с твоим помощником (Ёрш

в отсутствие Васича исполнял обязанности коменданта Петропавловской крепости) делать? – спросил я, одновременно прокручивая в голове возможные варианты ответа на тот же вопрос.

– Арестовать суку, и немедленно! – сказал, как отрезал, Ёрш.

Я сверился со своим вариантом ответа, убедился, что он в основном совпадает с вариантом Ёрша.

– А что, я согласен! Будем арестовывать, но с одной поправкой: не суку, а кобеля – как тебе такой вариант?

– Нашёл время хохмить, – буркнул Ёрш.

– В жизни, дабы она не стала совсем пресной, всегда должно быть место хохме, – назидательно произнёс я. – Тащи сюда гада Стрелкина!

Ёрш умчался выполнять поручение, а я стал готовиться к первому допросу, который намеревался провести сразу после доставки арестованного. Для начала я прикрыл лежащее на столе дело другой папкой, затем выдвинул верхний ящик стола и убедился, что лежащий там револьвер находится в боевой готовности. Техническая сторона вопроса была решена Удовлетворённо мурлыкая под нос:

«Суд идёт революционный,
Правый суд.
Конвоиры провокатора
Ведут...»

– я стал прокручивать в голове схему допроса.

**

Едва взглянув на вернувшегося Ерша, понял, что реальность опять не желает вписываться в сочиняемый нами сценарий.

– Стрелкина нет в крепости? – решил поразить я Ерша своей прозорливостью.

– Хуже, – мотнул головой Николай. – Сам, гад, ушёл, и часть своего отряда увёл. Взял самых преданных.

Дурная новость невольно заставила меня нахмуриться.

– Куда подался Стрелкин, выяснить удалось?

– А чего я, по-твоему, так долго отсутствовал? – с укором глянул на меня Ёрш. – Колонул тут одного и узнал, что «товарищ» Стрелкин получил сведения о местонахождении бывшего начальника Петроградского Охранного отделения генерала Глобачева и немедленно отправился его арестовывать.

– Так! – прихлопнул я ладонью по столешнице.

– Погоди «такать», – остановил меня Ёрш. – Попробую сэкономить твоё время. Тревогу по гарнизону крепости я объявил. Остатки отряда Стрелкина в казарме блокировал. Тревожная группа готова к выезду. Вот адрес, в который убыл Стрелкин. – Ёрш протянул клочок бумаги.

Мне не оставалось ничего другого, как на ходу читая ад-

рес, направиться к двери.

Уже на подъезде к дому, где скрывался Глобачев, я понял, что мы опоздали. Возле подъезда бурлила толпа, состоящая, судя по виду, в основном из жильцов дома. Там же суетился милицейский наряд. При нашем появлении выкрики в толпе сменились глухим ворчанием. Причину этого я понял сразу, как заслушал рапорт старшего наряда.

– Часа два назад к дому подъехала машина. Из неё выскочили военные в точно такой, как у вас, форме, – покосился на мой прикид милиционер, – выбили дверь на втором этаже, – кивок в сторону подъезда, – ворвались в квартиру. Соседи слышали шум, но вмешаться побоялись, только вызвали нас. Когда мы прибыли на место, ваши уже уехали, только перед отъездом постреляли немного...

Милиционер замолчал, пришлось мне подстегнуть его вопросом:

– И что?

– А ничего, – отвёл глаза служивый, – два выстрела – два трупa. Поднимитесь в квартиру, посмотрите.

Я направился к двери, ведущей в подъезд, увлекая за собой милиционера. На пороге задержался, обращаясь к толпе:

– Граждане! Нападение на квартиру совершили бандиты, переодетые в форму красногвардейцев!

Сказал и вошёл в подъезд, не сильно-то надеясь, что мне поверили.

– В уголовный розыск сообщили? – спросил я своего попутчика, пока мы поднимались по лестнице на второй этаж.

– Едут, – односложно ответил тот.

Глобачева я узнал сразу. Старик лежал навзничь посреди комнаты, широко раскинув руки, словно напоследок хотел обнять ускользающий от него мир. Чуть в стороне, но в другой позе лежал ещё один мужской труп. Видимо, хозяин квартиры.

Я склонился над телом Глобачева. Судя по многочисленным кровоподтёкам, перед смертью старика с пристрастием допрашивали. Это был скверный признак. О чём хотел узнать бывший агент у бывшего начальника, пусть и не непосредственного? Только об одном: о судьбе своего агентурного дела. Что мог сказать ему Глобачев? Что дело, скорее всего, вывез полковник Львов. Как скоро Стрелкин узнает о даче Львова на Крестовском острове и захочет проверить, не там ли спрятан архив? А что, если при Глобачеве название острова было упомянуто? Я там был, такого не помню, но ведь могло и быть? Скверно, всё очень скверно. Надо срочно ехать на Крестовский. Ведь кроме Львова – Кравченко в доме, где находится архив, только звероподобный финн со своими волкодавами. Правда, на соседних дачах дежурят две группы наших бойцов. Но...

Я решительно покинул квартиру. Оставил одного из своих помощников, чтобы направил припозднившееся следствие

по нужному пути, с остальными погрузился в машину, и мы помчались в сторону Крестовского.

**

При въезде на остров я обратил внимание на столб дыма, который поднимался как раз над тем местом, где должна находиться дача Львова. Предчувствие, что и сюда мы опоздали, неприятно стеснило грудь. Когда нам оставалось проехать примерно треть пути, если считать только по острову, взгляду представилась столь необычная картина, что я немедленно приказал шофёру остановить машину. В некотором отдалении от дороги на траве лицом вниз лежал человек, над ним в напряжённой позе стоял Герцог, рядом сидела Ольга и смотрела в нашу сторону. Когда я подошёл совсем близко, Герцог покосил на меня глазом, но позы не изменил.

– Стрелкин? – спросил я у Ольги, кивая на лежащего. Она кивнула. Я протянул ей руку, чтобы помочь подняться. – Ты как здесь?

Ольга неопределённо повела плечами.

– Стреляли...

– Смешно, – оценил я шутку нашей боевой подруги. – А если серьёзно?

– А если серьёзно, то задолбалась я, Миша, говно за Герцогом убирать. Потому решила взять выходной и вывезти себя и псину за пределы исторического памятника, чтобы хоть

на один день отдохнуть от какашек. Вот, блин, и отдохнула!

– Я так понимаю, что вы утром с Ершом и уехали?

– Правильно понимаешь, – кивнула Ольга.

– А чего же он мне-то об этом ничего не сказал, когда примчался с известием о Стрелкине?

– А должен был? – удивилась Ольга.

А вот это, граждане, как посмотреть. Может, да, а может, и нет. Потому и оставил я Ольгин вопрос без ответа. Отозвал от тела Герцога. Приказал бойцам пленного упаковать, грузить в кузов и держать там до моего особого указания. Отправил машину в адрес, а сам с Ольгой и Герцогом решил проделать тот же путь пешком, благо недалече, заодно и рассказ её послушать.

ОЛЬГА

А и послушай. Мне скрывать нечего! Как утром приехали, так я сразу попросила Кравченко (Львов нынче под него косит) дать распоряжение финну, чтобы он своих волкодавов из вольера не выпускал, потом повела Герцога любоваться окрестностями. Где-то час мы ими любовались, потом вернулись к даче. Я ещё издали заметила, как Ёрш вылетел из дома, словно наскипидаренный, вскочил в машину и рванул с места. И стало мне сразу интересно: что такое приключилось? Как вошла в дом, так у Кравченко и спросила. Он мне и заяснил, что при разборе архива охранки докопались

до дела Стрелкина. Эх, раньше я этого не знала! А то вместо того, чтобы шуры-муры с ним крутить, открутила бы этому потаскуну головёнку – и всех делов!

Подумала я так и принялась по хозяйству хлопотать, а то без женских рук дом как-то уж больно на хлев стал походить. Финн, правда, мне мешать пытался, лопотал по-своему и под ногами путался. Но Кравченко – Львов ему что-то сказал, тот и сбежал от греха во двор. Сколько я это стойло чистила, не знаю, только притомилась, и села у окошка передохнуть. Глянь, а к дому машина катит, а в кабине рядом с шофёром не иначе Стрелкин сидит.

Ну, думаю, быть потехе! Окликаю Кравченко, а сама в стекло финну стучу. Услышал, повернул голову. Я ему рукой в сторону машины тычу, потом в сторону вольера показываю. А из машины уже бойцы сыплются. Финн глянул на это дело – и к вольеру. Кравченко уже у меня за спиной нарисовался. Посмотрел в окно, схватил меня в охапку и тащит от окошка. Чудной! Будто бы я сама до этого не допёрла. Только крикнула Герцогу: «Лежать!» – как стёкла стали под пулями разлетаться.

На улице крики, лай, предсмертный собачий визг. Мы с Кравченко стали отстреливаться, чтобы прыти у атакующих поубавилось. Кое-чего в этом плане добились, но всё равно они бы нас дожали, кабы ребята с соседних дач не подоспели. Взяли они эту шоблу в клещи и ну свинцом поливать. Мы с Кравченко тоже стараемся не отставать. Красно-

та! Однако чую, что-то в прямом смысле припекать стало. Эти гады успели дом подпалить! Ладно, бой кончился. Кого не постреляли – тех повязали. Кравченко тут же всех свободных бойцов к выносу архива привлѣк – тушить-то бесполезно! А я прихватила Герцога и пошла Стрелкина искать. И вот ведь какая засада: среди пленных – нет, среди трупов – нет, а где же есть? Стала я присматриваться и вижу: чья-то задница в траве мелькает – ползет, значит, болезный, куда подальше, а как понял, что засекли его, так вскочил и ломанулся прямо через кусты. Ну, я Герцога и спустила. Чем всё кончилось – ты видел.

МИХАИЛ

– Он что, даже не отстреливался? – поинтересовался я, дослушав Ольгин рассказ.

– Пальнул пару раз, – пожалала плечами Ольга, – да не попал, потом, видно, патроны кончились.

Меж тем тропинка, вынырнув из кустов, вывела нас к даче Львова. Точнее, к бывшей даче Львова. А ещё точнее, к тому месту, где совсем недавно стояла дача Львова. Где был дом – смрадно чадило пепелище. Чуть в стороне бойцы собирали разбросанные по траве остатки архива и несли к Кравченко, который раскладывал документы по стопкам. Время от времени бывший жандарм, зашитый теперь в шкуру ярого большевика, поднимал руку к окровавленной повязке на голове

и болезненно морщился.

– Царапина, задело по касательной, – погасила мой вопро-
сительный взгляд Ольга.

Я кивнул и занялся подсчётом потерь среди живой си-
лы. Они были явно не в пользу нападавших. Дюжина бой-
цов из отряда Стрелкина смирно лежали рядом на траве
со скрещёнными на груди руками, а ещё четверо понуро си-
дели подле них с руками связанными за спиной. С нашей
стороны потери составили три человека и два волкодава.
Болью кольнуло сердце при виде тел финна и двух бойцов
из группы прикрытия. Я вздохнул и направился к Кравчен-
ко. Ольга и Герцог отставали на шаг.

Когда мы оказались возле него, Кравченко протянул руку
и слабо улыбнулся:

– Большую часть архива удалось спасти, но кое-что сгоре-
ло, в основном из моего личного запаса.

Меня как током ударило.

– А материалы по тунгусскому феномену?

Кравченко поднял на меня удивлённый взгляд, но видимо
что-то прочтя в моих глазах, лишь сокрушенно развёл рука-
ми.

– Ну, извини!

На этом моя мечта хоть в этом времени поквитаться
с профессором Астаповичем рассыпалась с хрустальным
звоном...

– Всё!

Кравченко положил в стопку последнюю папку и отдал бойцам новое распоряжение:

– Пакуйте каждую стопку по отдельности и грузите в машину.

– Только кузов сначала от дерьма освободите, – добавил я.

Кравченко моей реплике удивился, но ещё пуще был удивлён и обрадован, когда увидел, как из кузова достают Стрелкина.

– А я-то думал, что этой гниде удалось сбежать, – прокомментировал он свою радость.

– От нас с Герцогом не сбежишь! – самодовольно усмехнулась Ольга.

Меж тем бойцы отволокли Стрелкина в сторонку, чтобы не мешал погрузке, и принялись грузить архив. Мы вчетвером: я, Кравченко, Ольга и Герцог подошли к сидящему на травке Стрелкину. Тот нервничал, но старался выглядеть бодрячком.

– Сразу заявляю, – сказал он, не дав нам и рта раскрыть, – что на любые вопросы буду отвечать только в присутствии товарища Савинкова!

Мы переглянулись, а Герцог обнажил клыки. Стрелкин боязливо покосился на пса, но ещё упрямее сжал губы.

– Погодите, я сейчас, – сказала Ольга и направилась в сторону пепелища. Что она искала среди груды всё ещё источающего редкие струйки дыма мусора – непонятно, но ви-

димо нашла, потому что удовлетворённо кивнула и подозвала пару бойцов, приказав расчистить указанное место. Отпустив управившихся с заданием бойцов, Ольга нагнулась и за что-то ухватилась рукой. Это «что-то» оказалось кольцом от крышки погребца. Подняв крышку и заглянув внутрь, Ольга крикнула в нашу сторону: – То, что надо! – Потом подошла к Стрелкину и ткнула его носком ботинка под рёбра: – Вставай! – Сама помогла ему подняться, сама сопровождала до пепелища и сама же фактически сбросила его в яму. Потом вернулась к нам.

– Миша, создай нужную обстановку, – попросила она невыразительным тоном и глядя мимо меня.

Я уже догадался, что задумала Ведьма, потому лишь кивнул. Пока шла погрузка, достал из полевой сумки блокнот и набросал записку Ершу. Когда командир, руководивший погрузкой, подошёл с рапортом об окончании работ, я вырвал из блокнота листок с письменами, сложил пополам и вручил командиру, сопроводив действие словами:

– Вручишь коменданту сразу по прибытии в крепость. А теперь грузи этих, – я кивнул в сторону арестованных, – забирай всех людей, и отправляйтесь. На словах скажешь коменданту чтобы прислал сюда две машины: одну за нами, другую за трупами. Выполняй!

Когда машина скрылась из виду, Ольга соорудила из подручных средств факел и направилась в сторону погребца. Предупредила: – Особо не приближайтесь!

Львов (пока рядом нет посторонних, буду звать его так) наблюдал за ней с некоторой тревогой в глазах, я же оставался внешне невозмутимым, хотя в душе поёживался от того, что сейчас предстоит вынести Стрелкину.

Хотя мы стояли в отдалении, а крышка погребка была закрыта, до нас время от времени долетали какие-то приглушённые звуки.

– Что она с ним делает? – не выдержал Львов.

– Проводит экспресс-допрос, – отделался я коротким ответом.

Львов зябко передёрнул плечами, но больше ни о чём не спрашивал.

Где-то через полчаса крышка погребка откинулась. Ольга вылезла первой, потом вытащила за шкуру Стрелкина. Поскольку бывшего помощника коменданта Петропавловской крепости не держали ноги Ольга, так, за шкуру, подтащила его к нам.

Львов окинул арестанта испуганным взглядом, но, не найдя на нём сколь-либо заметных повреждений, облегчённо вздохнул. Стрелкин был бледен и глядел на нас глазами затравленного зверя. Щёки его были исполосованы бороздками от слёз.

– После «дружеской» беседы «товарищ» Стрелкин изменил своё первоначальное решение и готов ответить на все наши вопросы, – сказала Ольга. – Правда, милый? – наклонилась она к Стрелкину. Тот испуганно отшатнулся и кив-

нул.

Глава вторая

НИКОЛАЙ

Я сидел за столом, в то время как Александрович нервно мерил кабинет шагами. Как только стало известно о странностях, происходящих вокруг Красной Гвардии, я имею в виду убийство Глобачева и последующее прибытие на место преступления Шефа, Александрович немедленно прибыл в Петропавловскую крепость. Чтобы погасить его командирский пыл, я первым делом подсунил ему агентурное дело Красавчика. Это сработало. Вместо метаний молний между нами состоялся конструктивный обстоятельный разговор. Теперь мы на пару ждали известий с Крестовского.

– Ты уверен, что не следует направить на остров подмогу? – спросил Александрович.

– Абсолютно! – Я старался, чтобы мой голос звучал как можно более уверенно. – Численное превосходство наших сил над отрядом Стрелкина более чем двукратное – куда же ещё?

В это время мне доложили о прибытии машины с Крестовского.

– Наконец-то! – воскликнул Александрович.

В кабинет вошёл командир прибывшего отряда, вручил

мне записку Михаила и на словах передал просьбу прислать машины. Я прочитал записку и протянул её Александровичу. В ней вкратце описывались произошедшие события, и не содержалось никаких секретов, о которых посторонним знать не следовало.

– Почему они не приехали вместе со всеми? – спросил Александрович, возвращая записку.

– Решили провести первый допрос Стрелкина, пока тот ещё «тёпленький», – пояснил я.

Александрович нахмурил брови, о чём-то пару секунд поразмышлял, потом заявил весьма категорично:

– Отправляй только грузовик. Странника и остальных я заберу сам!

МИХАИЛ

Пока Стрелкин торопливо глотая слоги, а то и целые слова, «пел» про своё агентурное прошлое, я слушал его вполуха. В конце концов, всё это отражено в деле, разве что в более сжатой форме. Но вот засранец добрался до настоящего, и слушать пришлось уже в оба уха.

– ... Вот вы берётесь меня судить, а сами-то вы кто есть? – Стрелкин не обвинял: сломленная, хлюпающая носом личность была на это неспособна, Стрелкин жаловался нам на нас. – Люди с сомнительным прошлым и ещё более сомнительным настоящим! Чего стоит ваше участие в подго-

товке и осуществлении побега царской семьи.

Тут мы враз насторожились, а Ольга устрашающе вежливо попросила:

– Продолжай!

– Так я и не молчу, – вздрогнул Стрелкин. – За всех, конечно, не поручусь, но вот этот, – он кивнул на Львова, – не знаю, как его и называть: Кравченко или Львов, и ваш Ежов – те точно к побегу причастны!

– Откуда такие выводы? – стараясь говорить спокойно, спросил я.

– Своими глазами видел! – плаксиво заявил Стрелкин. – Правда, вышло всё случайно. Мужик я, сами знаете, лихой, а она, – кивок в сторону Ольги, – сама не давала и до других баб в крепости меня не допускала... Ой! – Стрелкин заслонился от Ольги руками, опасаясь нового удара. – Я же не в укор... Вот я и нашёл бабёнку на стороне. А живёт эта Клавка – зазнобу мою, стало быть, Клавкой зовут – аккуратно возле Сенной площади. – На этом месте мы невольно переглянулись – Так вот, иду я как-то вечером к Клавке, и обнаруживаю впереди себя две знакомые фигуры. Вот его, – кивок в сторону Кравченко-Львова, – и товарища Ежова. Привычка, что ли сработала, но выследил я их. Это уже потом я узнал, что в том доме, куда они зашли, у вас, – Стрелкин посмотрел на меня, – квартира имеется. Чего я тогда возле чёрного входа затаился, и сам не пойму – но не зря. Где-то через час выходит из подъезда человек – один в один Кра-

вченко, но без шрама. Я тогда за ним не пошёл, запалиться опасаюсь. Сделал по-другому. У меня в знакомцах один «топтун» числится. Знатный специалист – старая школа! Так я ему поручил за домом проследить, и того, что без шрама, поводить. От него и узнал, что фамилия объекта Львов и что он бывший жандармский полковник. А теперь скрывается. Но не это было интересно, а то, что Львов встречался с людьми близкими к Николашкиному окружению, а потом и с самими охранниками царя. Я Борису Викторовичу об этом и доложил...

Что ж, по крайней мере, от кого Савинков узнал о готовящемся побеге, нам теперь известно.

– ... Он решил, что лучшего повода для уничтожения царской семьи придумать трудно. Сделал вид, что не будет препятствовать побегу, а сам распорядился устроить засаду и расстрелять беглецов на месте...

Стрелкин прервал рассказ, видимо рассчитывая на вопросы с нашей стороны. Я решил его не разочаровывать.

– Как вы связали Львова с Кравченко и Ежовым?

– В тот момент никак, потому и не стал докладывать об этом Савинкову, хотя у меня уже имелись определённые подозрения. Потому в день побега я лично взял под наблюдение дом на Екатерининском канале. Когда из дома вышел Ежов и поспешно куда-то отъехал, я последовал за ним на своём автомобиле. Потому засёк, как Ежов перехватил санитарную машину с царской семьёй и увёл её с первоначаль-

ного маршрута. Я поехал следом за ними и видел всю историю по «захвату» «Китобоя».

– Вы произнесли слово «захват» так, будто сомневаетесь, что он был подлинным, – заметил Львов.

– Так оно и есть, – повернул в его сторону голову Стрелкин. – Уж больно картинно Ежов подставился, если, конечно, наблюдать за этим с самого начала.

С этим было не поспорить, и я ограничился приказом:

– Продолжайте!

– После того, как «Китобой» отвалил от стенки, я пустился на розыски Савинкова. Тот, узнав о переменах в планах заговорщиков, немедленно поехал на встречу с резидентом английской разведки в Петрограде майором Торнхиллом...

– Стоп! – прервал я Стрелкина. – Какое отношение имеет «Шестёрка» к побегу царской семьи?

– Самое непосредственное! – воскликнул Стрелкин. – Торнхилл в приватной беседе с Савинковым прямо сказал, что Британия не заинтересована в прибытии на Острова семейства Романовых, тем более самого бывшего императора!

– То есть, вы хотите сказать, – вмешался в разговор Львов, – что убийство царской семьи было санкционировано резидентом британской разведки?!

– Точно так! – кивнул Стрелкин.

– Невероятно... – произнёс потрясённый экс-полковник.

– Наоборот, – возразил ему я, – весьма даже вероятно. – Потом обратился к Стрелкину:

– Не означают ли ваши слова, что Савинков является агентом МИ-6?

– Нет, – помотал головой Стрелкин. – Агентом он точно не является. Просто поддерживает связь на почве взаимных интересов.

Львов возмущённо фыркнул. Я сделал в его сторону упреждающий жест, призывая воздержаться от дальнейших проявлений чувств.

– И что англичане?

Впервые за весь допрос на лице Стрелкина появилась пусть и жалкая, но усмешка.

– А то вы не знаете англичан? Вечно норовят загрести жар чужими руками. Не получилось нашими – они подключили к решению вопроса немцев.

– То есть, как? – вновь не выдержал Львов. – Наши союзники пошли на прямой контакт с врагом?!

– Скорее, использовали врага втёмную, – поправил Львова Стрелкин. – Срочно передали в Берлин через перевербованного агента немецкой разведки в Петрограде сообщение о том, что на «Северной звезде» под видом пассажиров должны отправиться на Западный фронт несколько сотен русских добровольцев. Проверять эту информацию было некогда, и немцы просто подсунули в фарватер на пути следования парохода мину. Дальше – трах-бабах! – и царской семьи не стало.

Львов с перекошенным гневом лицом шагнул в направле-

нии пленного, но Ольга заступила ему дорогу. Тогда тот резко отошёл в сторону и отвернулся, продолжая то сжимать, то разжимать кулаки.

– Откуда вам стали известны такие подробности? – спросил я у Стрелкина.

– Так Борис Викторович сам и рассказал, после гибели «Северной звезды», в кругу самых близких соратников.

– Вы и тогда не поделились с ним сомнениями по поводу Ершова?

– Нет, помотал головой Стрелкин. – Сначала Борису Викторовичу было не до подробностей, а потом я и сам решил всё ещё раз перепроверить. Уж больно неправдоподобной казалась тогда история связи большевика и бывшего жандарма.

– А теперь вам это неправдоподобным не кажется?

– Теперь нет, – спрятал глаза Стрелкин. – Я как увидел в окне дачного домика его рожу, – Стрелкин кивнул в сторону Львова, – так у меня в голове всё разом по ранжиру построилось.

– А про дачу как узнал?

– Так от Глобачева. Он слышал, как о ней упоминал Львов во время захвата архива.

Ольга взяла меня за локоть и отвела в сторону.

– Миш, нам эту гниду оставлять в живых никак нельзя. Не сказал обо всех своих подозрениях тогда – сейчас скажет непременно, всем кому успеет.

Я кивнул.

– Будем убирать при попытке к бегству?

Ольга улыбнулась.

– Ага. Тем более что она не за горами. Посмотри осторожно правее объекта.

Я посмотрел через её плечо в указанном направлении. Метрах в трёх от Стрелкина в траве лежала коса, которая, видимо, принадлежала убитому финну. Сейчас Стрелкин осторожно переползал к ней. То, что доктор прописал!

Мы с Ольгой разошлись в стороны, с непринуждённым видом занимая нужные позиции. Стрелкин о наших маневрах не догадывался, поглощённый своей идеей, а Львов так и вовсе не замечал, продолжая переживать в сторонке. Когда Стрелкин закончил перерезать о лезвие косы верёвку, которой были связаны руки, за кустами послышался звук автомобильного мотора. Я подал Ольге сигнал «пора!». Та подошла ближе к Стрелкину, и негромко, только для него одного, произнесла:

– Ну что, гадёныш, кончать тебя будем!

Стрелкин как сидел, так и махнул косой из-за спины. Вышло не очень ловко, но всё равно опасно. Только отменная реакция позволила Ольге избежать быть задетой острым лезвием. В это время в зоне видимости показался легковой автомобиль. Стрелкин его не видел, так как находился к автомобилю спиной. Он вскочил и вновь замахнулся на Ольгу косой.

Мой выстрел был точен. Стрелкин выронил косу и повалился в траву. Львов повернулся на выстрел, глядя на финал только что разыгранной драмы ничего не понимающими глазами – он пропустил самое основное. Зато выскочивший из автомобиля Александрович точно видел всё!

Июньский дождь вряд ли можно отнести к событиям необычайным. Особенно тот, что совсем недавно образовался над Западной Украиной и не спеша поливал теперь железнодорожную станцию Куричи, прошлым вечером занятую австро-германскими войсками. Завершив работу, дождь столь же неспешно удалился по-над уходящей в лес второй-степенной веткой в направлении расположенного в пяти километрах от станции лесозаготовительного комплекса, пребывающего по случаю ближних к нему боёв во временном запустении. Уже над комплексом, дождь неожиданно для себя расслышал в отдалении глухие, похожие на гром, раскаты. То не был вызов от другого дождя-соперника, то Юго-Западный фронт генерала Корнилова отчаянно пытался закрепиться на рубеже небольшой речушки и остановить, наконец, напирającego противника. Но дождю-то про то известно не было. Потому он огрызнулся для порядка раскатом взаправдашнего грома и бурно излился на крышу длинного производственного строения, не подозревая, что под ней

спрятался от посторонних глаз бронепоезд «Товарищ»...

ГЛЕБ

То, что и Брусилов, и Корнилов в один голос назвали авантюрой (однако не поставили под запрет), носило кодовое название операция «Денис Давыдов». Суть операции сводилась к проведению в ближнем тылу противника крупной диверсионной акции, с целью сорвать наступление на направлении главного удара и дать возможность войскам фронта контратаковать.

Местом проведения операции была определена железнодорожная станция Куричи. Время начала операции, согласованное со штабом фронта, назначили на 23—00 местного времени. Тому было две причины. Первая: дать противнику время накопить на станции значительное количество живой силы, техники и боеприпасов, но не дать времени на проведение полномасштабной разгрузки и отправки всего доставленного к линии фронта. Вторая: не дать самой линии фронта уйти на значительное расстояние, увеличив тем самым эффективность контрудара.

Была ещё одна причина, по которой не следовало тянуть с проведением акции: я и мой штаб опасались, что противник может обнаружить оставленные нами на станции «сюрпризы». Под «сюрпризами» я подразумеваю большое количество потешной пиротехники, подготовленной к использо-

ванию и спрятанной специалистами из моего отряда в различных зонах и помещениях станции. От каждого заряда были проложены хорошо замаскированные телефонные кабели, собранные в три узла. Стоит подсоединить к такому узлу полевой телефон и покрутить ручку, как цепи замкнутся и пиротехника сработает.

Спросите, зачем всё это? Почему просто не заложить заранее несколько фугасов, а потом по единой команде их взорвать? Отвечаю. В этом случае неминуемо пострадает станционное оборудование: рельсы, стрелки и тому подобное. А мы хотели по максимуму оборудование уберечь – оно могло пригодиться наступающим частям Юго-Западного фронта. Потому пиротехника предназначалась лишь для подачи сигнала к началу операции и приведение в недоумение солдат противника. Гораздо менее безобидные «игрушки» ждали своего часа на запасных путях в районе паровозного депо. Какие? Дождитесь 23—00 – узнаете!

**

Последние разведанные поступили в районе 20 часов. Просмотрев донесение, Зверев, который исполнял обязанности начштаба объединённого отряда, окатил меня радостным взглядом.

– Большая удача, командир! – воскликнул он. – В 23—10 на станцию ожидается прибытие состава со снарядами.

Я только покачал головой. В литературе это, кажется, называется «рояль в кустах», а в жизни просто большое везение. Теперь мы могли в полной мере рассчитывать даже на то, что прокатит и вспомогательный вариант.

– Будем корректировать время? – спросил Зверев.

– Разумеется, – кивнул я. – Началом операции будем считать прохождение прибывающим составом входной стрелки. Предупреди командиров подразделений, и пусть начинают выдвигаться на позиции.

Зверев вышел, а я склонился над картой, чтобы ещё раз проверить себя: не упустил ли чего? Теперь под моим началом было более полка. К бронепоезду и двум батальонам, штаб фронта придал пулемётную роту и казачий эскадрон. Пулемётчиков я распределил между красногвардейскими батальонами, которые в этот момент должны находиться в лесном массиве в километре от станции. Получив приказ, они продолжат движение, и к 23—00 будут готовы занять заранее обусловленные позиции. Второй посыльный поскачет к казакам и те начнут скрытый марш в обход станции со стороны фронта. И, наконец, моя сибирская шестёрка в составе отряда спецназовцев в 22—30 приступит к захвату паровозного депо. Всё вроде верно.

Я оторвал взгляд от карты и прикрыл усталые глаза. Вернулся Зверев и доложил об исполнении приказа.

В 22—00 бронепоезд «Товарищ», оставив «чёрный» па-

ровоз на лесопилке, стараясь создавать как можно меньше шума, и без огней, начал осторожное движение в сторону станции. Пока мы так крались, спецназ без шума и пыли занял паровозное депо. Вскоре два паровоза покинули стойло, и, покрутившись на поворотном круге, подкатили к двум составчикам, припаркованным на путях возле депо и насчитывающим по четыре вагона. Каждый вагон был заполнен различным металлическим хламом и канистрами с горючей смесью, под которыми были установлены изготовленные ещё в Питере Ершом мощные устройства направленного взрыва. После взрыва весь металл и горючка должны разлететься во все стороны и вверх на большое расстояние, но не вниз. Так мы хотели сохранить рельсы.

В 22—50 бронепоезд был остановлен круговым движением фонаря. Это означало, что за ближним поворот начинается съезд на станцию, этакая пологая горка, идущая под углом 45 градусов к станционным путям на протяжении около километра. Вот по этой горке мы и намеревались маневрировать бронепоездом, поливая находящуюся ниже станцию огнём. В это же время оба составчика отъехали от депо и по стрелкам въехали на два свободных пути. В 23—10 спецназовцы перевели входную стрелку и направили прибывающий состав со снарядами в улавливающий тупик. Подобный тупик предназначен для предотвращения попадания на станцию неуправляемого состава. На станции Куричи улавливающий тупик кончался на краю глубокого оврага.

По иронии судьбы вблизи этого места была оборудована площадка, где формировались обозы для отправки на фронт.

В то время как обречённый товарняк, отчаянно гудя, мчался навстречу гибели, оба заминированных состава замерли на путях посреди станции между вагонами с людьми, техникой и боеприпасами. Как только паровозы отцепились, была подорвана пиротехника. Вся станция разом оказалась в эпицентре феерического шоу. Но вдоволь полюбоваться восхитительным зрелищем обескураженные немцы и австрияки не успели. Серия мощных взрывов в районе площадки, где формировались воинские обозы, враз сделала шоу кровавым, внося в ряды противника разлад и смятение. А два паровоза уже всюду улепётывали в сторону выходной стрелки. Причина их столь поспешного бегства стала понятна после того, как оба оставленных состава взлетели на воздух. В считанные минуты станция была объята совсем уже не потешным пламенем.

Под аккомпанемент взрывов один красногвардейский батальон спешно занимал позицию на склоне той самой горки, по которой уже катил бронепоезд «Товарищ». Естественным укрытием для бойцов служили штабеля брёвен, которые в этом месте, как вы понимаете, оказались вовсе не случайно. Другой батальон спешил к выходной стрелке где, чуть не столкнувшись лоб в лоб, замерли оба паровоза. Сейчас в бортах их тендеров спешно открывались заранее вырезанные, а затем замаскированные амбразуры, через которые уже

через несколько минут в сторону станции ощерятся стволы «Максимов».

Корнилов нетерпеливо поглядывал на часы, когда ему доложили, что наблюдатели с аэростатов видят в районе станции Куричи взлетающие в ночное небо ракеты и зарево большого пожара. Находящийся тут же Савинков довольно потёр руки.

– Лавр Георгиевич, трубите наступление! – воскликнул он с пафосом.

Корнилов усмехнулся и распорядился выводить ударные части на позиции и изготoвиться к атаке.

– А с самой атакой мы слегка подождём, Борис Викторович, – сказал он недоумённо глядящему на него Савинкову. – Пусть противник сначала оттянет часть войск к станции, и тем самым ослабит оборону.

– Но ведь наши герои могут погибнуть! – возмутился Савинков.

– На то они и герои чтобы умирать за Отечество, – пожал плечами командующий. Потом произнёс успокаивающе: – Да не волнуйтесь вы так. Ваш Абрамов хоть и авантюрист, но голова у него варит отменно. Если сработают, как наметили, то несколько часов продержатся, будьте покойны!

Только спустя два часа, убедившись, что противник перебрасывает значительные силы от линии фронта к станции, Корнилов отдал приказ наступать.

Первой из австро-германских частей поспела к станции артиллерийская батарея. Её вернули прямо с марша, потому была она почти без прикрытия. Командовавший батареей офицер быстро оценил обстановку и решил сначала уничтожить паровозы в горловине станции, а уж потом сосредоточить огонь на бронепоезде. Ни того ни другого осуществить не удалось. Из темноты налетел на рысях казачий эскадрон и порубил немцев в капусту. Потом казаки взорвали орудия и исчезли в ночи...

К утру следующего дня станция Куричи была отбита русскими войсками у противника. Когда довольный Корнилов спросил у Абрамова о потерях, тот доложил, что бронепоезд получил незначительные повреждения, но остаётся на ходу. Людские потери составили четверть личного состава убитыми и около половины ранеными.

– Бог мой! – воскликнул удивлённый командующий. – Какой же вы, право, везунчик!

Глава третья

МИХАИЛ

Наш план по устранению Стрелкина блестяще осуществился. Мы с Ольгой, собственно, и рассчитывали на то, что «смерть негодяя» произойдёт на глазах сторонних свидетелей, но то, что одним из свидетелей стал сам Александрович, сочли большой удачей. У командира Красной Гвардии не возникло и тени сомнения в правомочности моих действий. Наоборот, Александрович выразил мне благодарность за спасение женщины, которой мерзавец угрожал кошой. Кравченко-Львов, тот, разумеется, обо всём догадался, но его симпатии в этом деле были полностью на нашей стороне.

По дороге в крепость я поведал Александровичу об откровениях Стрелкина. По мере того, как мой рассказ насыщался новыми подробностями, лицо эсеровского лидера твердело. Высадив у Комендантского дома Ольгу и Кравченко, Александрович придержал меня в машине, велел шофёру разворачиваться и гнать из крепости.

Вскоре мы остановились на малолюдной набережной. Александрович вышел из автомобиля и направился к гранитным ступеням, ведущим к Неве. Я последовал за ним,

приказав шофёру оберегать нашу беседу от посторонних ушей. Александрович стоял у самой воды, устремив взгляд в невский простор. Когда я встал у него за спиной, не обращившись, произнёс:

– Пора валить Савинкова, как ты думаешь?

– Пора, – согласился я. – То, что он в который раз пригрел подле себя провокатора, и то, что для достижения своей цели он пошёл на сговор с врагом – оба-два этих факта могут прицепиться к его ногам полновесными гирями и утянуть на дно политического омуты, откуда он уже вряд ли выплывет. Вот только...

– Что только? – Александрович резко повернулся в мою сторону.

– Не стоит нам самим тащить на свет божий это дерьмо. Пусть за нас это сделает какая-нибудь не симпатизирующая нашему делу газета.

Я подождал, пока недоумение в глазах Александровича сменится на понимание, и добавил:

– Мы к этой публикации, разумеется, никакого отношения иметь не будем. Этим займутся другие, а мы пока известим о случившемся наших сторонников, и будем готовиться к внеочередному заседанию ЦК.

**

Говоря с Александровичем о публикации, под «другими»

я подразумевал в первую очередь Львова – не Кравченко. Большевика Кравченко поведение Савинкова вряд ли могло сколь-либо сильно возмутить, а вот Львов должен был испытывать к «террористу номер один» ненависть в самом ярчайшем её проявлении. Он и испытывал, так что уговорить экс-жандарма ограничиться всего лишь газетным разоблачением неприглядной роли Савинкова в деле гибели царской семьи оказалось делом весьма и весьма непростым. Львов был согласен только на физическое устранение преступника (его определение) и лишь моё предложение казнить Савинкова дважды: «Сначала превратим его в политический труп, а потом поступай с ним по своему разумению», – заставило Львова согласиться на то, чтобы растянуть удовольствие...

О том, что настоящий разведчик всегда должен быть готов к провалу, резидент «Шестёрки» в Петрограде майор Торнхилл не то чтобы забыл – просто перестал предавать этому постулату значение: настолько вольготно чувствовал он себя в столице России. После свержения царя даже более вольготно, чем при нём. Потому, когда люди в полумасках среди ночи ворвались к нему на квартиру и вытащили тёпленьким из постели, Торнхилл на протяжении всего их визита пребывал в рыбьем состоянии – с беззвучно шевелящимся ртом и выпученными глазами.

Когда майору предложили назвать шифр замка сейфа, тот, зрело поразмыслив, его назвал, чем избавил себя от допроса с пристрастием. Надо полагать, налётчики нашли среди бумаг майора то, что их интересовало, поскольку никаких других вопросов они ему не задавали и вскоре, накрепко связав, как и других обитателей квартиры, убрались, не попрощавшись. В ожидании освобождения Торнхилл провёл остаток ночи без сна, отчасти от того, что мешал кляп во рту, но в большей степени из-за мыслей: кто были эти люди, и какую цель они преследовали?

Утром майора освободили от кляпа и пут, а положенная на стол вскоре после завтрака газета освободила его и от ночных мыслей. Не очень респектабельная, но отчаянно кусачая газетёнка, прямо с первой полосы извещала читателей о странном альянсе между известным террористом, ставшим при Керенском товарищем военного министра, Савинковым, резидентом британской разведки майором Торнхиллом – «Боже! Это конец», – промелькнула в голове майора первая за последние часы здравая мысль – и германским генеральным штабом, последствием которого (альянса) стала гибель в шведских водах парохода «Северная звезда», шедшего под флагом Красного креста. «Если кого-то не возмутит тот факт, что при этом погибла царская семья, – вопила газетёнка, – то гибель более чем трёхсот пассажиров и членов экипажа мирного судна не может не наполнить гневом сердца всех честных людей!»

Когда вечером того же дня Торнхилла вызвали к послу, статью перепечатали уже все вечерние газеты.

**

Председатель второго Временного правительства Александр Фёдорович Керенский слушал доклад министра внутренних дел в напряжённой позе и прикрыв глаза.

– ... Таким образом, в руки газетчиков действительно попали документы, подтверждающие справедливость того, что написано в статье.

Министр закрыл папку и замер в почтительной позе. Керенский открыл глаза и вонзил в министра острый взгляд.

– Происхождение документов выяснить удалось?

– Да, – кивнул министр. – Документы были изъяты прошлой ночью неизвестными с квартиры резидента британской разведки майора Торнхилла.

– Правильно ли я понял, что имена налётчиков вам неизвестны? – спросил премьер.

– Увы, – развёл руками министр.

Керенский жестом отпустил чиновника и вновь прикрыв глаза. «Какой грандиозный скандал, – думал он. – Хороши союзнички, такую свинью подложили! Придётся теперь требовать объяснений от правительства Его величества. И это в тот момент, когда нашим армиям удалось остановить контрнаступление противника, и когда они уже почти гото-

вы перейти в новое наступление! И Борис Викторович хорош – так меня подставить! Однако надо его вытаскивать, пока слухи о скандале не доползли до действующей армии».

Керенский вызвал секретаря.

– Немедленно отправьте телеграмму об отзыве Савинкова с фронта, и поставьте под ней мою подпись!

Бланк правительственной телеграммы Савинкову вручили прямо в момент обсуждения в штабе фронта плана нового наступления. Прочтя послание Керенского, Савинков протянул бланк Корнилову.

– Так вы нас покидаете? – удивился командующий.

Савинков нервно усмехнулся.

– Не знаю, какая муха укусила Александра Фёдоровича, – воскликнул он, красуясь под взглядами штабных офицеров, – но покидать фронт в такой момент я считаю для себя недопустимым!

Савинков взял карандаш, набросал на обратной стороне бланка ответ и вручил дежурному офицеру.

– Отправляйте! – распорядился он.

В ту ночь Савинков спал спокойно. Утром его вызвали к командующему. Хмурый Корнилов вручил ему газету:

– Читайте!

Савинкову потребовалось призвать всё своё мужество, чтобы прочесть статью с невозмутимым видом. Он даже су-

мел весело усмехнуться.

– Как можно верить этой бульварной газетёнке? – спросил он, бросая газету на стол.

– Не всё так просто, Борис Викторович, – покачал головой Корнилов. – Мне уже звонили из Петрограда и из Ставки. Всё очень серьёзно. Обвинения против вас, оказывается, подтверждены документально. На сегодня назначено заседание правительства. В Петроградском Совете тоже, кажется, намерены поднять этот вопрос. Опасаюсь, что как только обо всём станет известно в войсках, могут начаться волнения, притом в наиболее верных частях. Так что, боюсь, ни о каком наступлении теперь не может идти и речи, по крайней мере, пока всё не уляжется. – Корнилов мрачно усмехнулся. – Вы вчера изволили высказаться насчёт мухи, которая якобы укусила господина Керенского. – Командующий вновь забыл про слово «товарищ», а Савинков в создавшейся ситуации не решился его поправить. – Вот она, эта муха! – Корнилов ткнул пальцем в газету. – Вас пытались спасти, вытащив с фронта, и вы, право слово, зря этим не воспользовались!

Савинков побледнел.

– Вы сказали «спасти»? – переспросил он. – Отчего спасти, Лавр Георгиевич? Вы что, намерены меня арестовать? Командующий смотрел на мимо него.

– Борис Викторович, у вас есть час, много два, чтобы решить вопрос своей безопасностью. Я же вас пока не задерживаю.

МИХАИЛ

Фракция собралась на совещание за полчаса до начала заседания Исполкома Петросовета. Слово сразу взял Чернов. Под угрюмое молчание остальных членов фракции он минут двадцать рассказывал о заслугах перед партией товарища Савинкова, и в конце выступления призвал консолидированно выступить на Исполкоме против его заочного осуждения. Выступивший следом Александрович ограничился предложением определиться по ходу заседания Исполкома с учётом тяжести выдвинутых против товарища Савинкова обвинений.

Обвинения, прозвучавшие из уст главного обвинителя большевика Шляпникова, оказались настолько весомыми, что под их тяжестью прогнулась и дала трещину даже партийная солидарность товарища Чернова. И не мудрено! Ведь текст выступления Шляпникова редактировал сам товарищ Ульянов-Ленин.

Вчера вечером на совещании в Комендантском доме, где присутствовали товарищи: Ленин, Шляпников, Спиридонова, Александрович, Сталин и Жехорский, было принято решение воспользоваться случаем и претворить в жизнь первый этап перехода власти в России в руки Советов народных депутатов: возглавить представителю будущей двухпартий-

ной – а если срастётся, то и многопартийной – коалиции Петросовет. Хватит держать на столь ответственном посту компромиссную фигуру, которой являлся меньшевик Чхеидзе. Потому слова Шляпникова были тяжелы, как удары кузнечного молота.

Закончил он своё выступление словами: «Я не буду утверждать, что Николай Романов не заслужил смерти. Лично я бы приветствовал смертный приговор, вынесенный ему судом, но я категорически против убийства. Ведь гражданин Романов, как и любой другой гражданин или гражданка свободной России, был вправе рассчитывать на защиту своих прав со стороны государства, в том числе и на право предстать перед лицом правосудия. Член Временного правительства Савинков лишил его этого права, спровоцировав Германию на уничтожение мирного судна, где помимо царя погибли его жена, дети, и сотни ни в чём неповинных граждан России и других государств. Поступив таким образом Савинков совершил преступление дискредитировав себя, Временное правительство и Петросовет, членом Исполкома которого он всё ещё является. Предлагаю поставить на голосование вопрос о немедленном лишении Савинкова членства в Петроградском Совете!»

Перед началом голосования стало известно, что Временное правительство только что лишило Савинкова портфеля товарища военного министра. Чернов так и не выступил в защиту своего товарища. А при голосовании, как и все, поднял

руку. На место Савинкова от партии эсеров в Исполком была избрана Спиридонова. Но этого нам было, понятно, мало. Я внёс предложение о переизбрании Председателя Петроградского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. После бурных дебатов на этот пост была избрана Маша Спиридонова.

ГЛЕБ

Фронт окапывался. Вслед за первой появилась вторая линия окопов, возводились долговременные огневые точки и капитальные блиндажи. Русская армия спешно отгораживалась от противника рядами колючей проволоки и наступать в обозримом будущем, видимо, не собиралась. Разоблачение Савинкова удручающе сказалось на боевом духе наиболее заточенных на войну частей, – здесь их называли «ударниками» – а кроме них в наступление особо никто и не рвался. «Ударники» же, потеряв на время врага перед собой, всё чаще стали искать его позади себя, обращая свой взор к революционному Петрограду.

Лично у меня ко всему происходящему отношение было двоякое. С одной стороны, проступок товарища Савинкова – хотя, какой он мне товарищ? военный министр ему «товарищ»! – лил воду на нашу мельницу, приближая неминуемый переход власти в руки Советов. С другой стороны, я, как кадровый офицер российской армии, с болью в серд-

це воспринял известие о том, что её в очередной раз предали. «Ударники», понятно, симпатией к Советам не страдали, на навязанных ими комиссаров смотрели косо, а действия Савинкова прямо называли изменой. А вот неприглядная роль союзников в этом тухлом деле стала ими постепенно забываться.

Англичане поторопились дезавуировать действия майора Торнхилла, принесли за них публичные извинения, и, бочком-бочком, выскользнули из дерьма, чего нельзя сказать о господине Керенском и возглавляемом им Временном правительстве. Так что последовавшие события не стали для меня большим откровением.

**

Мы покидали фронт. «Чёрный» паровоз давно был прицеплен к «Товарищу» и нетерпеливо попыхивал клубами пара, а семафор по-прежнему оставался закрытым. Предчувствие, что сегодня может произойти что-то неприятное, овладевало мной с нарастающей силой. Ко мне подошёл командир бронепоезда и доложил, что приходил посыльный: меня и полковника Зверева требует к себе командующий.

Вид у Корнилова был решительный и слегка торжественный. Он разразился перед нами пространной речью, суть которой сводилась к трём основным положениям: Россия катится в хаос и Временное правительство не способно этому

противостоять; для наведения порядка в стране и на фронтах необходимо передать власть в твёрдые руки; он, Корнилов, готов возложить бремя ответственности за судьбы Отечества на себя, если этого не сделает кто-либо другой.

После этого командующий фронтом задал нам вопрос: готовы ли мы встать под знамёна истинных патриотов России? Ответом ему было наше совсем не единодушное молчание. Если моё молчание означало твёрдое «нет», то по выражению лица Зверева можно было определить, что тот колеблется, и ниточкой, на которой подвисло так и не сорвавшееся с его губ «да», могло стать, была лишь его служба в Ставке. Видимо, Корнилов думал так же, поскольку тон его обращения к Звереву был предельно мягок.

– Вас, Вадим Игнатьевич, я попрошу немедленно отбыть в Ставку с пакетом для Верховного главнокомандующего. – Корнилов взял со стола запечатанный пакет и вручил его Звереву. – В пакете содержится моё воззвание к Алексею Алексеевичу либо самому принять верховную власть в стране, либо, если он не находит в себе таких сил, передать командование армией мне, дабы я, с Божьей помощью, встал на защиту многострадального Отчества нашего.

Зверев принял пакет, коротко поклонился командующему, и, не глядя на меня, покинул кабинет. Взор Корнилова обратился ко мне.

– Своим отказом принять моё предложение, Глеб Васильевич, вы сами определили себе место по другую сторону

баррикад. Сами понимаете, что в создавшейся ситуации я не могу отпустить вас с миром, как и возглавляемый вами отряд.

– Что вы намерены сделать с бронепоездом? – спросил я.

– Пока он просто будет блокирован... – командующий посмотрел на часы и поправился, – Вернее он уже блокирован на том пути, на котором стоит. Никаких других мер к команде бронепоезда и десанту, если, разумеется, с их стороны не будет сделан какой-либо необдуманный поступок, пока предпринято не будет.

Я с облегчением вздохнул. Необдуманных поступков не будет, – я заранее проинструктировал командира бронепоезда на сей счёт – а, значит, за людей мне опасаться нечего.

Корнилов взглянул на меня с интересом.

– Похвально, Глеб Васильевич, что судьбы вверенных вам людей волнуют вас больше судьбы собственной. И всё же, не хотите поинтересоваться, что будет с вами?

Я пожал плечами.

– Очевидно, вы меня арестуете.

– Не совсем так, Глеб Васильевич, не совсем так, – усмехнулся Корнилов. – Вы будете содержаться здесь, при штабе, под домашним арестом, что, согласитесь, разительно отличается от просто ареста.

– Соглашусь, – кивнул я. – Полагаю, к нам у вас претензий нет, мы нужны, видимо, как заложники?

– Можно сказать и так, – не стал спорить Корнилов.

**

Моё довольно комфортное заточение продолжалось два дня. Утром дня третьего дверь отворилась, и в комнату вошёл Корнилов. Командующий был не то, чтобы мрачен, а как-то уж очень задумчив. Испросив дозволения, присел на краешек кровати. Осмотрел меня долгим взглядом, потом произнёс:

– Вот всё и разрешилось, Глеб Васильевич, притом не в мою пользу. На мой призыв не откликнулся ни один из командующих фронтом или флотом, а Ставка прислала нынче нового командующего Юго-Западным фронтом. Пролить даром русскую кровь я счёл безнравственным, потому добровольно отказался от всех своих притязаний в обмен на обещание не преследовать тех, кто готов был ко мне примкнуть. Вы же, разумеется, свободны, как и ваш отряд.

Я понял, что в этом мире мятеж закончился, так, собственно, и не начавшись.

Корнилов поднялся и протянул руку.

– Будем прощаться, Глеб Васильевич, свидимся ли ещё? И не поминайте меня лихом!

Я с готовностью пожал протянутую руку.

Корнилов улыбнулся, слазил в карман и протянул мне на раскрытой ладони Орден Святого Георгия III степени.

– Носите с гордостью, – сказал он, – вы это заслужили!

Новый командующий фронтом генерал-лейтенант Деникин не задержал меня ни на минуту. Вскоре «Товарищ» миновал выходную стрелку и помчался в сторону Петрограда.

Я отдыхал, когда в дверь постучали. На моё «Войдите!» дверь отворилась, и на пороге возник тот, кого я меньше всего ожидал здесь увидеть: Борис Викторович Савинков собственной персоной!

Савинков уже битый час о чём-то разглагольствовал – я его почти не слышал. Мысли мои вертелись вокруг появления этой неприятной мне во всех отношениях личности на борту бронепоезда. Всяко выходило, что ответственен за появление Савинкова командир бронепоезда – эсер по партийной принадлежности. Получается, что мой боевой товарищ поставил партийную дисциплину выше воинской. Что ж, мне урок – головная боль Макарычу: его человек – ему и разбираться! За мыслями я чуть не пропустил обращение Савинкова.

– ... пора избавляться от двусмысленности и решительно рвать с большевиками и их союзниками в рядах нашей партии! И главной силой в этой борьбе будет Красная Гвардия. Странник говорил, что вы на нашей стороне, товарищ Абрамов...

Савинков глядел выжидающе, я ответил без промедления

и совершенно искренне:

– Мы с Жехорским старые друзья – куда он, туда и я!

Мой ответ Бориса Викторовича успокоил. Напряжение спало с его лица, и он даже скупно улыбнулся.

МИХАИЛ

– Ты привёз Савинкова на «Товарище»?!

Моё изумление было неподдельным.

– А что было делать? – пожал плечами Васич. – Ссадить его при первой же возможности, коли не я его в бронепоезд посадил?

Мой друг был прав. Впрочем, он был бы прав и если посадил Савинкова в бронепоезд сам. До партийного суда Борис Викторович был нужен мне целым и под нашим контролем. Как раз то, что мы сейчас и имели. Савинков, зная, что Временное правительство объявило его в розыск, счёл за благо не покидать бронепоезд. Теперь нужно обеспечить его надёжную изоляцию буквально на пару дней до начала работы Третьего Съезда Партии Социалистов-революционеров. В нашем времени этот съезд прошёл чуть ли не на два месяца раньше. Сейчас нам удалось отсрочить его начало, и за выигранное время значительно пополнить ряды делегатов, поддерживающих левое крыло. Но всё равно, на большинство голосов мы твёрдо рассчитывать пока не могли. Из 346 делегатов за нас были 127, за правых 161. Как понимаете, нам,

кровь из носу, было необходимо уже по ходу съезда склонить на свою сторону большинство из 58 неопределившихся товарищей. Дело Савинкова было в этой политической игре нашим козырным тузом.

Изоляцию Савинкова я начал с того, что отозвал с бронепоезда командира, утратив в свете известных событий веру в его надёжность. Вместо него на бронепоезд прибыл другой эсеровский командир, который сообщил Савинкову, что его предшественник попросил отпуск по семейным обстоятельствам, и ничего не сообщил о том, что происходит внутри партии, вернее, сообщил то, что велел сообщить я. Таким образом, на съезд Савинков явился, сполна уверовав в свою победу.

Глава четвёртая

ОЛЬГА

«Бой барабанный, знамён карнавал...» Слова этой весёлой песенки про хромого короля из моего далёкого детства как нельзя лучше вписывались в царившую эти дни в Питере обстановку. Две крупнейшие российские партии левого толка проводили свои очередные съезды. 21 июля в Мариинском театре начинал работу III съезд Мишкиных эсеров, а буквально на следующий день по его окончании в Александринке собирали своих сторонников и всех желающих ими стать на VI съезд РСДРП (б) большевики. Мне кажется весьма символичным, что для проведения партийных съездов и в том, и в нашем времени (пойми сейчас, где какое?) выбирались лицедейские подмостки. Чем, как не крупным (или не очень, в зависимости от величины амбиций) реалити-шоу является партийный съезд? Сценарий – повестка дня – есть. Режиссёры – лидеры партий – есть. Главные герои – президиум – на сцене. Массовка – делегаты – в зале. Зрители в ложах и на галёрке. Сюжет далеко не всегда (или не всеми) предсказуемый. И всё это в реальном времени!

Мне несказанно повезло – я стала зрительницей обоих спектаклей! В отличие от моих мужчин, которые прямо

или косвенно стали их участниками. Косвенным участником стал, разумеется, мой беспартийный муж. Муж... Так я всё чаще называю теперь в мыслях того, кого раньше звала Васич. До нашего венчания приставка «гражданский» слово «муж» унижала и делала его малозначимым. Зато теперь, подкреплённое полновесностью золотого кольца на пальце, слово это обволакивает меня со всех сторон приятным, греющим душу теплом. Простите мне это невольное отступление. Так вот, на широкие плечи моего мужа, не ставшего, в силу его беспартийности, делегатом ни одного из съездов, легла вся ответственность за безопасность граждан города Петрограда в эти праздничные, но и очень беспокойные дни. Преувеличиваю? Ну, разве отчасти. Меня же, аполитичную, но крайне любопытную женщину, снабдили, чтобы не путалась под ногами, пропусками на галёрку обоих театров.

**

Там уже открывают съезд, а я торчу тут недалеко от входа. Думаете, пропуск дома забыла? Как бы не так! Пропуск при мне, хотя, при желании, я бы и без пропуска прошла. Тут дело в другом: не хочу пропустить прибытие Савинкова. Часть журналистов думают так же и в зал явно не торопятся. Мне, ладно, Мишка сказал, а они-то как пронюхали? Вопрос, сами понимаете, риторический, в ответе не нуждающийся. А вот и Мишкино авто! Ввиду особой секретности

верх нынче поднят. Жехорский первым вылезает из машины, открывает заднюю дверцу салона. Бог мой, какие понты! Под магниевые вспышки перед немногочисленной публикой предстаёт Савинков. Позёр хренов! Ладно, пора бежать на галёрку, а то пропущу самое интересное.

Уф! Успела. Ложа, про которую говорил мне Мишка, пока пуста. А что там на сцене? Интеллигент с козлячей бородкой толкает речь. И запинается на полуслове. Под вздох зала в ложе появляется Савинков в сопровождении свиты. Эффектно, ничего не скажешь! Молча садится в кресло и упирается взглядом в сцену. Мишка располагает по правую руку вождя. Часть зала встаёт и начинает аплодировать. Савинков поднимается и раскланивается со своими сторонниками. А их, Ёшкин каравай, немало. Минимум треть зала. Да, Жехорскому, Александровичу, Спиридоновой и иже с ними придётся повозиться, чтобы прибрать партию к рукам. Зал угомонился и козлобородый продолжил прерванную появлением Савинкова речь.

МИХАИЛ

Оленька, прошу прощения, я буквально на пару слов. Думаю, читателю будет интересно знать, откуда растут уши у столь нарочито театрального появления на съезде Савинкова. Без ложной скромности скажу: всё это придумал я. Нет, Савинков тоже хорош гусь! Не будь он столь располо-

жен к фанфаронству – не купился бы на эту театральщину. И будь чуть лучше информирован – тоже не купился бы. Но первое (фанфаронство) он всосал ещё, верно, с молоком матери, а от второго (информации) его заботливо уберёт я. Хотя, нет. Кое-какой информацией я его всё же снабдил. Например, той, что на последнем заседании его вывели из состава ЦК.

– Александрович постарался, – пояснил я хмуро внимающему моим словам Савинкову. – Таких страстей понагнал, что шансов отстоять тебя у нас с Черновым не было, хотя мы и старались, – в отношении себя я приврал, – и голосовали против, – а вот это – чистая правда: желающих потоптаться на Савинкове и без меня хватило.

– А что Спиридонова? – поинтересовался Борис.

Это был щекотливый вопрос. Пришлось многослойно фильтровать базар.

– В этом скользком деле Маша долго пыталась сохранять нейтралитет, – это я соврал, – но, видя, какой перевес у твоих противников, решила до времени не подставляться и проголосовала «за».

– А ты чего в таком случае подставился? – буркнул Савинков.

Я лишь пожал плечами.

– Ладно, – голос Бориса потеплел, – кого вместо меня-то избрали?

Я выразительно посмотрел ему в глаза.

– Тебя?! – изумился Борис. – После того, как ты меня поддержал? Ну, ты, Жехорский, жук!

«Врёте, Борис Викторович, не жук я, но оса, занёсшая над вашей политической карьерой смертоносное жало!»

Мысли Савинков читать не умел, потому ничуть не обеспокоился, а попытался дать мне поручение:

– Устрой-ка мне встречу со Стрелкиным!

Как бы не так!

– Никак теперь невозможно!

– Это ещё почему? – удивился Борис.

– По приказу Александровича Стрелкин находится под домашним арестом.

– Неужто по причине его близости ко мне? – помрачнел лицом Савинков.

– Официально – нет. Ночью отлучился с ночного дежурства в город. Повод для ареста – не подкопаешься.

– Вот кобель! – ругнулся Савинков. – Нашёл время. Но ты его освободишь?

– Как только наступит время «Ч» – непременно, – заверил я Бориса.

Под временем «Ч» подразумевалось выступление отрядов Красной Гвардии под Савинковскими, разумеется, знамёнами: захват ключевых городских объектов, включая Петропавловскую крепость и «Аврору», арест Ленина и других большевистских лидеров, силовое давление на съезд. Сигнал к выступлению должен был подать сам Савинков.

Теперь вы знаете, с каким настроением прибыл Борис Викторович в Мариинский театр. Оленька, вертаю слово взад.

ОЛЬГА

Очень смешно. Пошутил, так пошутил! Петросян недоделанный. Всё, всё, возвращаюсь на галёрку Мариинского театра в тот момент, когда съезд уже вовсю топчется на товарище Савинкове. Да, ребята подготовились основательно: разогрели зал. И тот теперь торопится припомнить одному из бывших – думаю, что нисколько не спешу с выводами, – эсеровских кумиров все его прегрешения. Вот и Азефа помянули! А слова в защиту звучат как-то неубедительно, да и мало их, защитников, гораздо меньше, чем тех, кто совсем недавно стоя аплодировал Савинкову. Очевидно, что настроение в зале меняется не в пользу Бориса Викторовича. До него самого это тоже уже дошло. Ишь, как егозит в кресле. Буравит взглядом кого-то на сцене. Чернова, кого же ещё! Тому, видно, щеку-то обожгло, оторвал взгляд от сукна и ответил старому соратнику таким тоскливым взглядом, что тот аж отшатнулся, заиграл скулами и стал что-то нашёптывать Мишке. Тот кивнул и подал знак Спиридоновой, которая сегодня председательствовала на съезде. Так наклонила голову в знак понимания.

Когда очередной оратор сошёл с трибуны, она предоставила слово товарищу Жехорскому. Мишка покинул ложу, и, пока шёл к сцене, в зал по всем проходам двинулись вооружённые красногвардейцы. Помните, как приветствовали партийные съезды пионеры и комсомольцы? – вот как-то так. В зале недоумение и ропот. А солдатики – заметьте, одни эсеры! – уже во всех проходах. И Мишка уже на трибуне. Поднял руку, требуя тишины – какой там! Тогда стал он в зал кричать:

– Товарищи делегаты, успокойтесь! Простые партийцы, состоящие в рядах Красной Гвардии, пришли, чтобы выразить делегатам свою волю.

Что тут началось! Украинская Рада отдыхает. До мордобоя, правда, дело не дошло. Не нашлось желающих на вооружённых мужиков с кулаками лезть. Мишка руку опустил, ждёт пока Спиридонова и Александрович наведут порядок в президиуме и тот начнёт успокаивать зал. Минут через двадцать гвалт стал стихать. Мишка дождался относительной тишины и провозгласил:

– Слово имеет товарищ Савинков!

Встал наш «Бонапарт», вышел из ложи и под свист и редкие аплодисменты направился к трибуне. Взошёл на неё, как на амвон, окинул президиум тяжёлым взглядом, повернулся к залу и ну пороть ахинею про свою преданность партии и идеалам революции, про необходимость продолжения войны до победного конца, про очищение партийных ря-

дов от «пробольшеви́стской» нечисти, про контру с самими большевиками, про поддержку Временного правительства, и про то, что в эту самую минуту верная эсерам Красная Гвардия берёт город под свой контроль. Чего-чего, а говорить Борис Викторович умеет.

Зал стих, лица у делегатов напряжённые. Того и гляди «Аллилуйя» запоют. Мишка, видимо, тоже это понял. Подошёл к Савинкову и похлопал того сзади по плечу. Савинков замолк на полуслове и оборачивается к Мишке в полном недоумении, а тот ему показывает жестом: освобождай, мол, трибуну. Тот от растерянности и освободил.

Мишка тут же на неё взобрался и начал толкать речь, суть которой сводилась к тому, что воля красногвардейцев состоит не в том, чтобы давить на делегатов съезда и тем более не в том, чтобы поддерживать всяких авантюристов наподобие «предыдущего оратора», загрязняющих своим членством партийные ряды, а в том, чтобы выразить делегатам полную поддержку во всех принятых ими решениях.

Кончил Мишка речь и прошёл мимо стоящего столбом подле трибуны Савинкова в президиум. А Спиридонова ставит уже на голосование вопрос об исключении Савинкова из рядов ПСР.

И исключили ведь, как миленького, хотя и не единогласно. Я смотрю на президиум. Чернов мрачнее тучи. А Спиридонова, Александрович и Мишка, наоборот, весёлые, поздравляют друг друга. Выиграли, значит, ребята первый ра-

унд.

Этим днём на съезде ничего примечательно больше не случилось. Я шла домой – сегодня я ночевала в квартире на Екатерининском канале – и радовалась за Мишку. Всё шло к тому, что подомнёт он под свои идеи партию эсеров, ей-ей подомнёт!

МИХАИЛ

Ну, Оленька! Её послушать, так я и впрямь выгляжу таким русским медведем, норвящим подмять под себя вся и всех, включая эсеров. А то, что подминать под себя целую партию – это, помимо прочих минусов, просто небезопасно, она подумала? Партия – она ведь что та пружина: сожмётся под тяжестью иного политического тяжеловеса да как распрямится и отбросит его в сторону – это если повезёт, а если нет, то воткнётся в брюхо или зад, в зависимости от того, чем он на неё в тот момент давил. Мне это надо? А если не это, то что? Ответь, Жехорский, ответь самому себе, чего добиваешься ты, вторгшись в нутро старейшей и самой уважаемой на данный момент социалистической партии России? Чего хочешь достичь, беспощадно и даже жестоко нутро это перетряхивая? Есть ли у тебя цель? Нет, гражданин прокурор. Нет у меня какой-то великой цели, а делаю я это из праздного любопытства и хулиганских побуждений. Ну, что язычок

прикусил, голос мой внутренний, или совесть моя беспокойная – как мне тебя правильно называть? Не ожидал такого ответа? Я и сам не ожидал. Видно, сказалось непомерное напряжение последних месяцев, вот и сорвался.

Погоди, погоди, а может, оно и вправду так? Я не про хулиганку, я про отсутствие цели. Может, нафантазировал ты себе невесть что, и товарищей своими фантазиями заразил. Может, не стоит так рьяно сучить большевиков и эсеров в надежде получить прочный политический канат, который вытащит матушку Россию и иже с ней в светлое будущее. Может, следовало тупо мочить всех левых лидеров, включая Керенского и даже Львова (не Кравченко – премьера) и открыть дорогу к власти «сильной руке», вроде Корнилова. И пусть он, опираясь на штыки верных полков и сидя на деньгах господ Путилова, Рябушинского, Нобеля, и прочая и прочая, привёл бы Россию в объятия европейских и заокеанских «братьев».

Вот только не верю я в такую перспективу. Кому из них («братьев») нужна сильная Россия? И стали бы мы преданным вассалом, поставщиком вся и всем сырья и дешёвой рабочей силы – это в лучшем случае, а в худшем были бы мы биты, унижены и раздроблены на разновеликие уделы. Не хочу я всего этого для России – чем не цель? Потому, буду помогать устанавливать Власть, которая землями, политыми кровью и потом предков наших, сорить не будет, а соберёт, как и в том времени, в единый могучий союз, знамёна кото-

рого будут гордо развеиваться над шестой частью суши и которым будут салютовать все страны и континенты, искренне или уважая силу – не суть!

Ну, что там внутренний голос? Молчит? А чего же я тогда разглагольствую? Пора заниматься делами! А они пока идут не столь блестяще, как бы того хотелось. Я имею в виду вовсе не те демарши, которые начались на второй день съезда. К ним мы были готовы, да и оказались они не столь масштабными, как можно было опасаться.

Началось с того, что на утреннем заседании некоторые делегаты попытались вернуть съезд к делу Савинкова, в плане его пересмотра. Когда же эти попытки с треском провалились, начался демонстративный из партии отток.

Всего съезд и партию покинули сорок три делегата, чему мы, честно говоря, только порадовались. Во-первых, мы боялись, что таких будет гораздо больше. Во-вторых, почти все они оказались сторонниками правого крыла, а это было нам на руку.

Сложившаяся ситуация требовала осмысления, поэтому ещё до обеда съезд прервал работу аж до конца следующего дня. Делегаты разбрелись по фракциям для выработки консолидированного решения.

Меж тем возникшие на съезде разногласия выплеснулись за пределы Мариинского театра, и не без помощи бывших делегатов. Не найдя поддержки на съезде, они устремились в низовые партийные организации. Мы тоже не дремали

и направили по их стопам своих представителей, а в наиболее горячих точках побывали сами. В итоге удалось повернуть митинговые страсти в нужное русло. Подавляющее большинство партийных организаций поддержало съезд и осудило Савинкова и его последователей. Нашим врагам – противники остались на съезде, эти стали врагами – пришлось довольствоваться малым: партию покинули менее одного процента её членов. Правда, среди них оказались бойцы нескольких вооружённых отрядов, в том числе и красногвардейских. Таких немедленно блокировали, разоружали и только потом отпускали на все четыре стороны. Савинков в этот период никак себя не проявил. Забился в какую-то нору и зализывал раны – я так думаю.

Четвёртый день, если считать со дня открытия съезда, начался с массовой атаки правого крыла. Чернов и компания отчаянно пытались сохранить преимущественное влияние на партию. Им в помощь было то, что докладчиками по всем основным вопросам, предложенным на рассмотрение съезда, являлись члены их фракции. А содокладчики от левой фракции по большинству из вопросов, как то: реорганизация местной власти на началах народовластия, подготовка земельной реформы, обеспечение прав национальных меньшинств, расширение госконтроля над производством и некоторым другим, по сути, докладчикам лишь вторили.

Зато по трём позициям: война, союз с большевиками,

власть – мы схлестнулись с правыми не на шутку. По военному вопросу правым возражал Александрович. Он упирал на то, что поддержка лозунга «мира без аннексий и контрибуций» и ликвидации тайных договоров с союзниками во все недостаточна. Необходимо отказаться от наступательных операций по всему Восточному фронту и перейти к оборонительной тактике вплоть до заключения перемирия.

Содокладчиком по теме «Отношение к другим социалистическим партиям» выступил я. Союз с большевиками и всеми, кто захочет примкнуть к такому союзу – вот единственный путь к установлению в России подлинно народной власти – суть моего выступления.

Меня поддержала в своём выступлении Маша. Спиридонова резко раскритиковала правых за поддержку коалиционного Временного правительства в условиях, когда буржуазия не в силах справиться с проблемами современности, а социалистическая партия ещё не может взять власть. «После победы Февральской революции не прошло и полгода, а в России уже второе Временное правительство роняет власть в грязь, – говорила Маша. – Терпеть этот позор нет ни сил, ни смысла. В союзе с большевиками партия социалистов-революционеров способна взять на себя ответственность за судьбы России и создать левое правительство!»

Пятый день съезда прошёл в дебатах, которые выявили примерно равный расклад сил. Наступил шестой, решающий

день...

ОЛЬГА

Из-за возникших неурядиц эсеры не уложились в пять отведённых на проведение съезда дней, потому решили прихватить половину дня шестого. Мишка с утра был настолько взвинчен, что я побоялась его хоть как-то трогать. Молчали за завтраком, и в машине тоже молчали. В фойе театра Мишка кивнул и умчался в зал, а я пошла на галёрку.

Кульминацией съезда стали выборы руководящих органов партии. Вопрос: кому отдадут бразды правления делегаты, волновал даже меня, хотя я волновалась, конечно, не за партию – за Мишку. Когда огласили итоги голосования, я облегчённо вздохнула: Мишка и компания набрали больше половины голосов, левый переворот в партии эсеров стал свершившимся фактом. После непродолжительного перерыва с заключительным словом к съезду обратилась новый лидер партии Маша Спиридонова.

МИХАИЛ

Да, мы победили, но с перевесом всего лишь в несколько голосов – меньше двух десятков. Теперь предстояло победу удержать, а впоследствии и закрепить. Тяжесть ответственности подавила веселье, и мы ограничились лёгкими

поздравлениями. Не отягощённая ничем таким Ольга выглядела гораздо веселее нас. С улыбкой на лице и восхищением в глазах – не поддельным ли? – чмокнула меня в щеку, стрельнула с намёком глазами в сторону Маши и умчалась в Александринку, где в это время уже начал работу большевистский съезд. А нам хотелось хотя бы на несколько часов отрешиться от политики. Наскоро попрощавшись с Александровичем, Маша попросила меня отвезти её домой. Всю дорогу молчала, на меня не глядела, о чём-то думала. Потом не выпустила из своей мою руку, когда прощались у Комендантского дома. Так за руку и ввела меня в квартиру. Конец дня и ночь мы провели вместе, а утром я сделал Маше предложение...

Окрылённый Машиным «да», я покидал Петропавловскую крепость в приподнятом настроении. Сразу за Иоанновским мостом машину поджидала одинокая женская фигура. Нина не требовала остановиться, просто смотрела, как мы приближаемся. Остановиться я приказал сам. Вышел из машины и подошёл к Нине.

– Ну?

Ответила бывшая любовница только после того, как обволокла меня долгим взглядом, смысл которого я угадать и не пытался – не до того мне сейчас было.

– Нам надо поговорить, – произнесла, наконец, Нина тем приятным грудным голосом, которой так увлёк меня во вре-

мя нашей первой встречи. Ветер перемен разметал нас в разные стороны и бывшие чары больше не действовали. Я взял Нину за локоток, отвёл в сторону и повторил вопрос:

– Ну?

Она вздохнула и коротко ответила:

– С тобой хочет встретиться Савинков.

Чего-то в этом роде я и ожидал. Первым порывом было отказаться, но потом я передумал.

– Где и когда?

– Приходи сегодня к пяти часам пополудни на Сергиевскую, Зиночка тебя проводит.

Я оценил разумность предложения – Гиппиус была гарантом нашей обоюдной порядочности – и дал согласие.

Встретили меня на Сергиевской крайне холодно и сразу проводили в кабинет. Увидев там угрюмо смотрящего на меня Савинкова, я ничуть не удивился. Тот не протягивая руки – правильно, я бы её не пожал – указал мне на свободное кресло. Молчали, обмениваясь изучающими взглядами, минут пятнадцать. Савинков явно выжидал. Вошла Гиппиус, не глядя в мою сторону, подошла к Борису и что-то прошептала на ухо. Тот выслушал и кивнул. Я дождался, пока за потессой закроется дверь, потом спросил с лёгкой усмешкой:

– Проверяли, пришёл ли я один?

– А вы как хотели? – блеснул глазами Савинков. – С провокаторами ухо надо держать востро.

– Кто бы говорил, – отпасовал я мяч на противную сторону, при этом стараясь не подать вида, что слово «провока-тор» меня задело.

Но Савинков сегодня к словесной игре расположен не был.

– Скажите, Странник, – спросил он угрюмо, – почему вы так со мной поступили?

Мой взгляд требовал пояснений, и Савинков продолжил:

– Я имею в виду, к чему все эти кошки-мышки. Почему вы открыто не выступили против меня, зачем заманили в ловушку. Если вы хотя бы рассказали мне о Стрелкине, я бы вёл себя иначе.

– Потому и не рассказал, что хотел, чтобы вы вели себя так, как и повели, – глядя прямо в глаза Савинкову, ответил я.

Тот под моим взглядом поёжился.

– Но почему?

– Не потому, Борис Викторович, что вы мне глубоко несимпатичны, это бы я пережил, а потому, что вы своим членством наносили непоправимый вред партии.

Глаза террориста номер один зло блеснули.

– А вы, Спиридонова, Александрович, и прочие, получается, для партии благо?

– Да, именно так я и считаю!

– Выходит, война? – спросил Савинков зловещим голо-сом.

– С вами? – удивился я. – Борис Викторович, побойтесь бога, какая война с покойником? Ваш политический труп смердит на весь Петроград, а скоро засмердит на всю Россию.

Савинков сжал кулаки.

– Пусть так! Но стрелять я при этом не разучился.

– Да полно вам, – отмахнулся я от его слов. – В обозримом будущем вам не стрелять, а отстреливаться придётся. За вами объявлена такая охота, что вам, право, легче застрелиться самому, чем ждать каждую минуту пули со стороны.

Я поднялся с кресла. Взгляд Савинкова напоминал взгляд затравленного зверя. Во мне неожиданно проснулась жалость к этому, в общем-то, незаурядному человеку, потому я отказался от уже готовой сорваться с языка финальной фразы, ограничившись коротким «Прощайте!», и направился к выходу.

Провожавшая меня Зинаида Гиппиус сказала у двери:

– Вы, Михаил Макарович, поступили как последний негодяй, двери этого дома отныне для вас закрыты!

Что я мог ей ответить? Молча поклонился и вышел вон.

Глава пятая

ГЛЕБ

– ... Всё, что мы могли сказать по этому поводу, мы сказали, а теперь, извините, нам пора!

Этими словами Ёрш подвёл черту под коллективным разбором Мишкиных «полётов». Делегаты большевистского съезда Ежов, Кравченко и Бокий поднялись с мест и покинули кабинет, притворив за собой дверь. В коридоре их окликнула Ольга, которая так дулась на Макарыча, что даже отказалась принимать участие в беседе:

– Мальчики, я с вами!

Хлопнула входная дверь. Теперь в комендантских апартаментах остались лишь я, Макарыч да Герцог. Жехорский сидел, глубоко погружившись в кресло, и нервно поплёскивал оттуда глазами.

– Ты действительно считаешь, что Ёрш наехал на меня по делу?

Чтобы правильно понять вопрос требуется пояснить, откуда уши растут. Когда вчера за вечерним чаем Макарыч, как бы между делом, поведал нам (мне, Оле и Ершу – Герцог не в счёт) о своём рандеву с Савинковым, царившей на кухне идиллии враз пришёл конец. Вас никогда не поливали за го-

рyчим чаем холодным душем? Жаль, а то бы вы во всей полноте представили наше состояние.

– ... Что я мог ей ответить? Молча поклонился и вышел вон.

Закончив рассказ, Макарыч с довольным видом потянул чашку с чаем к губам. Сидевшая с опущенными глазами Ольга резко встала, и, не глядя на рассказчика, покинула кухню.

– Чего это она? – справедливо приняв демарш на свой счёт, спросил смущённый Макарыч.

– А ты не понимаешь? – вскинулся Ёрш. – Да будь я на месте Оли – я бы тебе ещё и оплеух навешал!

– А не круто замешиваешь? – зло блеснул глазами Макарыч.

– В самый раз! – успокоил его Ёрш.

– А может, и ты хочешь мне оплеух навешать? – поинтересовался Макарыч.

Пришлось срочно вмешаться:

– Брек! Что вы, как дети?! Макарыч, остынь, Ёрш, не пори горячку!

Ёрш поднялся с места.

– Ладно! Может, я и порю горячку. Только пусть это подтвердят Кравченко и Бокий! Ты не возражаешь? – обратился он к Макарычу.

– Подключай, кого хочешь, – буркнул тот.

– Тогда, до утра!

Ёрш покинул кухню, и на ней воцарилось тягостное молчание. Потом Макарыч встал, и со словами «Спасибо за чай!» оставил меня и Герцога один на один с моими мыслями.

Разбор полётов продолжился утром в расширенном составе в моём домашнем кабинете. Ёрш нарочито вежливо попросил Макарыча повторить рассказ о встрече с Савинковым для вновь присутствующих. Тот сделал это с явной неохотой, потому рассказ получился блёклым, монотонным, но сути, понятно, не утратил. Позиция Ерша была мне предельно ясна, поэтому я следил за реакцией остальных.

Бокий слушал исповедь Макарыча с хмурым видом, время от времени неодобрительно покачивая головой. Интересней было наблюдать за Кравченко-Львовым. Если Кравченко то и дело сердито хмурил брови, то Львов, наоборот, улыбался – это делало выражение их общего лица слегка комичным.

За время ночных бдений – он в ночь дежурил по гарнизону – Ёрш успел основательно подготовиться. Потому его обвинительная речь выглядела и яркой, и убедительной. Эпитеты, отпущенные в адрес Макарыча, звучали весомо и сочно. И самыми безобидными были «безрассудство» и «мальчишество».

Макарычу, надо отдать ему должное, хватило ума выслушать все обвинения в скорбном молчании. Потому речь Ерша стала подобием летнего ливня: прошёл и ушёл – сиди,

сохни!

Теперь Макарыч хотел знать моё мнение. Что ж, изволь!

– Ёрш, конечно, погорячился и сильно сгустил краски, так его можно понять – он за тебя переволновался. Я же во всей истории вижу только одну ошибку: тебе не следовало соглашаться на эту встречу, хотя бы ввиду её абсолютной никчёмности. Что ты хотел с неё поиметь?

Макарыч кивнул.

– Истину глаголешь. Ничего я с неё не поимел, разве что от Гиппиус чуть по физиономии не схлопотал. Не знаю, что на меня тогда нашло. Может, Нинины чары до конца не выветрились из головы? Так или иначе, но моё «да» можно приравнять и к безрассудству, и к мальчишеству – прав Ёрш!

МИХАИЛ

На пороге Комендантского дома меня перехватил Кравченко-Львов, схватил за локоток и отвёл в сторону.

– На заседание не опоздаешь? – хмуро поинтересовался я, высвобождая локоть.

– Нет, меня Коба подвезёт, – легко ответил Кравченко и передал слово Львову. – Я так понимаю, Михаил Макарович, что некто Савинков больше не находится в сфере ваших интересов?

– Нет, Пётр Евгеньевич, – ответил я в тон Львову. – Он

в полном вашем распоряжении. Одна просьба: не дайте ему уйти героем-мучеником.

– Исполню в точности, – пообещал Львов.

НИКОЛАЙ

Пример товарищей эсеров воодушевил многих делегатов VI съезда РСДРП (б) – многих, но не всех. Покончив в первый день работы с организационными вопросами, на второй день съезд заслушал доклад ЦК, где с политическим отчетом, как и в нашем времени, выступил Сталин. Признаюсь, это показалось мне странным. Ведь в ТОМ 1917 году съезд проходил практически в нелегальных условиях, а Ленин из-за угрозы ареста скрывался в Разливе.

Теперь же всё было иначе. Съезд проходил при полном параде, под надёжной защитой Красной Гвардии. Почему же Ленин решил поиграть в молчанку, чего он опасался?

Сегодня, слушая выступление Бухарина, я составил для себя ответ на этот вопрос: Ильич хочет дать выговориться основным оппонентам, оставляя за собой заключительное слово.

«... Могут ли большевики в союзе с эсерами взять сегодня власть? – спрашивал у зала Бухарин, и сам же отвечал: – Да, могут! Но какая это будет власть? Партия социалистов-революционеров даже при том, что в ней верховодит теперь левое крыло, в своей деятельности опирается в первую очередь

на российское крестьянство. А что такое, товарищи, российское крестьянство? Российское крестьянство – это рассадник частнособственнических мелкобуржуазных идей, чуждых духу пролетарской революции. Согласившись на такой, с позволения сказать, альянс, мы прицепим к ногам российского пролетариата многомиллионные крестьянские гири, которые утянут его на дно общинного болота. Как это ни горько сознавать, товарищи, но идея победы социалистической революции в России, на данный момент, представляется мне не более чем романтической утопией! Наш час придёт только тогда, когда Европа откликнется на события, происходящие в России после февраля сего года, чередой пролетарских революций. Только опираясь на поддержку победивших братьев по классу, российский пролетариат сможет осуществить пролетарскую революцию в России. А пока нам следует запастись терпением и готовиться к предстоящим боям!»

И ведь Бухарин в отрицании необходимости немедленного установления Советской власти в России был не одинок. Его поддержал в своём выступлении Преображенский, а за ним и ряд других делегатов. Ленин в президиуме хмурил брови и что-то решительно чиркал в блокноте.

В первой половине третьего дня работы съезда партия впитала в себя «межрайонцев», после чего делегаты разбрелись по секциям и собрались вместе только во второй половине дня четвёртого. Вот тогда-то к делегатам с речью обра-

тился Ленин. В своём крайне эмоциональном выступлении Ильич дал резкую отповедь своим политическим оппонентам. Вот мой пересказ отдельных фрагментов этого выступления:

...«Как можно клясться российскому пролетариату в любви и одновременно не верить в его способность возглавить самые широкие массы трудящихся в борьбе за светлое будущее?» ... «Сложившаяся в настоящий момент политическая обстановка крайне благоприятна для создания в России третьего Временного, а по сути, первого советского правительства!» ... «Упустить такой шанс не только архиглупо, но и преступно, в первую очередь, по отношению к пролетариату, об интересах которого так печётся товарищ Бухарин!» ... «Заручившись поддержкой открывающегося на днях I съезда Советов, мы образуем правительство, состоящее не только из членов нашей партии и близкой нам по духу партии социалистов-революционеров, но и всех тех, кто создание такого правительства поддержит!» ... «До начала работы Учредительного собрания мы должны на деле доказать способность советского правительства управлять страной, чтобы на законодательном уровне утвердить установление в России Советской власти!»...

ОЛЬГА

Уфф! Только что закончил работу большевистский съезд

и можно с облегчением перевести дух. Честно говоря, не думала, что среди большевиков найдутся такие упрямы. Тем весомее наша (Ленина и компании) победа. Союзу с эсерами быть, а, значит, пора бежать накрывать на стол. «Накрывать» – это я ляпнула по привычке. Банкет – громко, конечно, сказано – в столовой при Комендантском доме организуют и без меня, но пару-тройку блюд для этого стола я приготовлю сама.

**

На товарищеский ужин – а я: «банкет», «банкет» – собралось человек тридцать большевиков, эсеров и ещё не пойми кого (да простят мне товарищи мою политическую малограмотность!). Стол был накрыт в лучших традициях рабоче-крестьянского застолья. То есть ананасов и рябчиков не наблюдалось. Обычную столовскую еду каждый разнообразил принесёнными из дому разносолами. Украшением стола стали презентованные земляками товарищу Кобе вино и фрукты, и мои придумки. Никогда бы не подумала, что простой салат Оливье, заправленный к тому же сметаной, – есть ли тут майонез вообще? – будет пользоваться таким спросом. Тазик салата – я нисколько не преувеличиваю! – гости умяли буквально в один присест. А кусочки курицы, запечённые вместе с картофелем, едва-едва не сорвали аплодисменты. Чудно, но приятно.

Говорили в этот вечер много и о многом, но в основном о политике. Спорили, иногда даже горячо, но всё же не выходя за рамки толерантности – я ещё в ТОМ времени посмотрела значение этого слова в Википедии. Лишь товарищ Сталин выглядел слегка раздражённым, и виной тому была не политика. Дело в том, что многие гости охотно кушали фрукты, но почти не притрагивались к вину. Ситуацию слегка исправил Мишка, когда поднялся и объявил о своей помолвке с Машей Спиридоновой. Тут даже самые отъявленные трезвенники не смогли отказаться и после витиеватого кавказского тоста Кобы, посвящённого Маше и Мише, пригубили действительно отменное вино.

В конце вечера под гитары и гармошки пели песни революционные и не очень.

МИХАИЛ

Свадьбу назначили на первое воскресенье сентября. Но и у меня, и у Маши, несмотря на тёплое отношение друг к другу, мысли витали в несколько иных сферах. Открывающийся через десять дней в Таврическом дворце I Всероссийский съезд Советов должен был одобрить создание в России первого советского правительства. В том, что такое одобрение будет получено, мы не сомневались. Случись съезд, как в ТОМ времени, в начале июня, и результат вполне мог быть для нас плачевным. Сейчас, в том, что одержим верх, мы

не сомневались. Серьёзные изменения на российском политическом Олимпе – в особенности смена руководства в партии эсеров – привели к тому, что просоветская коалиция контролировала почти всю левую прессу и большую часть назначенных в войска комиссаров. Это гарантировало для нас преимущественное представительство на съезде от Петрограда и Москвы, других крупных промышленных центров Европейской части России, от фронтов и флота, от многих земледельческих районов.

Но нам мало было одержать просто победу – нам требовалась абсолютная победа. Поэтому приняли решение окружить особой заботой делегатов от тех областей России, куда весть о произошедших изменениях просто не успела дойти. Как раз подготовкой к предстоящему съезду была забита прекрасная головка моей будущей жены. Я же по инициативе Ленина был вовлечён в процесс формирования списка кандидатов в будущие министры, будучи в приказном порядке – Машей, кем же ещё? – назначен председателем Согласительной комиссии, которую сам же – получается, на свою голову – предложил создать.

На первом этапе мои сопредседатели – Сталин от большевиков и Александрович от эсеров – составили свои списки. На втором этапе Согласительная комиссия свела оба списка в один. Это на бумаге у меня так гладко получилось: «свела». На деле спорили три дня до хрипоты, чуть не подрались, но всё равно в окончательном списке напротив трёх

постов осталось по две фамилии. Третий, заключительный этап, прошёл в более спокойной и куда более конструктивной обстановке. Ленин и Спиридонова в моём присутствии убрали из списка лишние фамилии и скрепили бумагу своими подписями. Так что к началу съезда коалиция обзавелась согласованным списком будущих министров.

Работа в Согласительной комиссии отнимала много времени, потому заветную тетрабочку с грифом «Совершенно секретно» я доставал из сейфа теперь только по ночам, когда проводил их в квартире на Екатерининском канале. Спросите, что за тетрабочка? Неприметная такая толстенькая тетрабочка, в ТОМ мире школьники и студенты такие называют «общая», а в структурах, где мне доводилось служить, – «рабочая». Завёл я эту тетрабочку не так давно для записи мыслей, которые в голове просто перестали помещаться. Было это что-то наподобие бизнес-плана по созданию ВЧК – структуры, без существования которой Советская власть, по моему глубокому убеждению, существовать не могла. Думайте про меня что хотите, но отказаться от идеи создания одной из самых эффективных контрразведок, да и разведок тоже, за всю историю Человечества было бы просто глупо!

Тетрадные листы постепенно заполнялись записями, схемами, смешными человеческими фигурками, напоминающими пиктограммы, с вписанными рядом с ним фамилиями. Некоторые из фамилий принадлежали друзьям: Кравченко,

Бокий, Ежов, другие – бывшим и действующим в структуре Временного правительства сотрудникам полиции, жандармерии и контрразведки, таким как Джунковский. Остальные – будущим чекистам во главе с Дзержинским. Феликса Эдмундовича я без колебания определил на самую вершину структурной пирамиды: сумел создать ЧК тогда – сумеет и теперь!

«Хорошо, – скажут многие из вас, – пусть с ЧК вопрос и спорный, но, в принципе, понятный. Тетрадка-то зачем? Риск ведь непомерный». Вы, друзья, как сговорились. Васич и Ёрш, как узнали про её существование, так твердят мне то же самое. Мой ответ вам и им: «Это привычка, фиг какой революцией выбьешь!»

**

После съездов эсеров и большевиков стало очевидно, что правительство Керенского доживает последние дни. Понимал ли это сам Керенский? Думаю – да. Но, будучи холериком от политики, Александр Фёдорович отчаянно пытался доказать, – кому? – что он, в отличие от своего друга Савинкова вовсе не политический труп. Опровергнув мнение большинства аналитиков, он до сих пор не вышел из партии эсеров, и это несмотря на негативные для него итоги партийного съезда. Теперь вот принялся за популярных в армии и на флоте военных. Короче, ЭТОТ Керенский повторял дей-

ствия ТОГО Керенского, несмотря на совершенно иную политическую ситуацию в стране – это-то и было самым удивительным, но нас устраивало. Чтобы снизить вероятность начала Гражданской войны, мы торопились если не привлечь потенциальных противников на свою сторону, то хотя бы сделать их позицию более терпимой по отношению к нам.

Стройную фигуру в морской форме нового образца я заметил ещё на ступенях резиденции Керенского. Тотчас покинул автомобиль и пошёл навстречу. Когда между нами оставалась пара шагов, окликнул:

– Если не ошибаюсь, адмирал Колчак?

Тот остановился и недоумённо посмотрел в мою сторону.

– Точно так. А вы...

– Моя фамилия Жехорский, Михаил Макарович. Я член Исполкома Петроградского Совета и заместитель начальника штаба Красной Гвардии.

Недоумение на лице Колчака сменилось отчуждённостью.

– Чем обязан? – сухо спросил он.

– Имею к вам, Александр Васильевич, предложение, и хотел бы тотчас его обсудить.

Щека адмирала дёрнулась.

– Прошу покорно меня простить, но ваше предложение вряд ли представляет для меня интерес, так что обсуждать нам с вами нечего!

После этих слов Колчак чуть кивнул и намеревался про-

должить движение, но произнесённые мной слова заставили его остаться на месте.

– Для человека, только что отправленного в отставку, вы уж больно поспешно отвергаете предложение, даже его не выслушав.

Щека адмирала дёрнулась во второй раз.

– Однако вы довольно осведомлены, – сухо сказал он. – Хорошо, буду предельно откровенен. Та сила, которую представляете вы, нравится мне гораздо меньше, чем та, представителем которой является господин Керенский. К тому же я спешу.

– Тогда могу предложить вам компромиссный вариант, – сказал я. – У меня тут машина. Я подвожу вас по указанному вами адресу, а вы соглашаетесь по дороге выслушать наше предложение.

Неожиданно Колчак рассмеялся.

– Чёрт с вами! – весело воскликнул он. – Показывайте, где ваш автомобиль.

Вступительную часть моей речи Александр Васильевич выслушал безо всякого интереса, зато когда я добрался до сути предложения, брови адмирала удивлённо приподнялись.

– Я не ослышался? – переспросил он. – Вы действительно предлагаете мне пост морского министра в вашем будущем правительстве?

– Вы не ослышались, мы действительно предлагаем вам этот пост.

Вот тут Колчак задумался крепко. Человек он был самолюбивый. Обожал держать в руках власть. А пост морского министра был для него пока пиком карьеры.

– А вас не смущает тот факт, – произнёс, наконец, адмирал, – что я являюсь твёрдым сторонником продолжения войны, и, как минимум, буду противиться развалу флота?

– Нет, не смущает, – ответил я. – Вы человек военный. Прикажут воевать – будете воевать, прикажут прекратить боевые действия – прекратите. А разваливать флот мы не планируем. Наоборот, с вашей помощью мы рассчитываем его укрепить и модернизировать.

Колчак в сомнении покачал головой.

– Как я могу вам верить? – сказал он.

– А мы и не рассчитывали, что вы согласитесь поверить нам на слово, – улыбнулся я. – На днях в Петрограде открывается Всероссийский съезд Советов. На нём выступят все наши лидеры и будут определены задачи для будущего правительства. Вот вам пропуск на гостевые места. Поприступуйте на заседаниях, пообщайтесь с другими высокопоставленными офицерами армии и флота, они там будут. Составьте мнение, основанное на ваших собственных наблюдениях. После окончания работы съезда мы с вами встретимся, и вы скажете о своём решении, договорились?

Автомобиль уже минуту стоял возле нужного адреса,

но адмирал не спешил покидать салон. Наконец он взял пропуск, пожал мне руку и произнёс:

– Но теперь я ничего не обещаю.

После этих слов Колчак быстро покинул машину.

ГЛЕБ

Продолжая начатую Макарычем тему, скажу, что и мне довелось поучаствовать в работе по склонению к сотрудничеству высокопоставленных армейских офицеров.

В этот день я встречал на вокзале поезд, на котором в Петроград прибыл Верховный главнокомандующий генерал Брусилов. Прибыл для участия в работе I Всероссийского съезда Советов. Но, в отличие от Колчака, Брусилов был на съезде не гостем, а полноправным участником – делегатом от действующей армии. Алексей Алексеевич вышел на перрон в сопровождении нескольких офицеров, в добром расположении духа. Со мной поздоровался, как со старым знакомым. Пока шли к машинам, я заметил среди свиты Главкомверха Зверева, с которым мы обменялись короткими кивками.

После того, как Брусилов был размещён в отведённых ему апартаментах одной из лучших Петроградских гостиниц, я в коридоре выловил Зверева, поймал за локоть и отвёл в сторону. Вёл себя старый знакомец как-то уж очень нервно, и я

спросил в лоб, что означает такое поведение?

– А как я должен вести себя в присутствии человека, который пришёл меня арестовать? – криво усмехнулся Зверев.

– Я пришёл тебя арестовать? – удивился я. – Что за чушь?

– Пардон, пардон, прошу покорно меня простить, – голос Зверева был полон сарказма. – Я как-то упустил из вида, что вашему превосходительству не по чину самому заниматься арестами. Видимо, меня арестует кто-нибудь из ваших подчинённых.

– Ну, вот что, – ситуация стала меня раздражать, – говори толком, за какую такую провинность тебя следует подвергнуть аресту?

– А то ты не знаешь? За то, что в известном нам деле я выказал поддержку генералу Корнилову, которого вы теперь арестовали!

– Корнилов арестован?!

Моё удивление было таким искренним, что Зверев сразу в него поверил.

– Так ты не знаешь? Третьего дня Корнилов был вызван к Керенскому, и прямо оттуда отправлен в «Кресты».

Вот оно что... Тюрьма «Кресты» находилась исключительно в ведении Временного правительства, потому я и прошляпил арест Корнилова.

– Немедленно займусь этим сам! – заверил я Зверева.

– Ты освободишь генерала? – спросил он.

– Это вряд ли, – не стал я брать на себя неосуществимых

обязательств, – но изменить меру пресечения постараюсь.

– Без письменного распоряжения министра внутренних дел никак не могу... – канючил начальник тюрьмы. Его можно понять: начштаба Красной Гвардии пользовался сейчас в Питере бóльшим авторитетом, нежели министр внутренних дел правительства Керенского. Я молча слушал стенания тюремщика, и тому было крайне неуютно под моим требовательным взглядом.

Достав носовой платок, он вытер вспотевшую лысину.

– Позвольте позвонить? – попросил начальник тюрьмы.

Я пожал плечами:

– Звоните...

Объяснять, что телефонная станция находится под нашим контролем, а значит, связи он не получит, я счёл излишним.

Тюремщик покрутил ручку, снял трубку, послушал, повторил операцию, зачем-то подул в трубку, опустил и растерянно произнёс:

– Не работает.

– Хотите, чтобы я починил связь? – мой тон вполне мог сойти за зловещий.

– Что вы, нет! – ужаснулся начальник тюрьмы. – Потом осёкся, осел лицом и потеряно произнёс:

– Без бумаги никак нельзя...

Снова да ладом! Пора кончать эту бодягу. Нужна бумага? Будет тебе бумага!

– Чистый лист найдётся? – спросил я.

– Что? Чистый лист... Да, конечно!

Начальник тюрьмы пододвинул в мою сторону лист белой бумаги, перо и чернила. Я начертил расписку и протянул её тюремщику.

– Этого достаточно?

Тот прочёл и радостно закивал...

Увидев меня, Корнилов слабо улыбнулся. Уже в машине спросил:

– Куда вы меня?

– В Петропавловскую крепость, – лаконично ответил я.

Корнилов помрачнел и замкнулся в себе. А мне так даже было и лучше...

Когда я повёл Корнилова не в каземат, а в помещение бывшей обер-офицерской гауптвахты, мрачность потекла с лица опального генерала. Открыв дверь одной из свободных комнат – припас я парочку «апартаментов», как знал, что пригодятся – сделал приглашающий жест рукой:

– Располагайтесь, Лавр Георгиевич!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.